

An aerial photograph of a city at sunset. A large, dark, Gothic-style church spire with a cross on top is the central focus on the left. The city below is a mix of old and new buildings, with a river visible in the bottom right corner. The sky is filled with dramatic, orange and yellow clouds, and the sun is low on the horizon, creating a warm, golden glow over the entire scene.

Анатолий Шигапов

Золотой Горизонт 1.0

ЯНТАРНЫЙ КУПОЛ

Анатолий Шигапов

Золотой Горизонт 1.0

«Автор»

2026

Шигапов А.

Золотой Горизонт 1.0 / А. Шигапов — «Автор»,
2026 — (ЯНТАРНЫЙ КУПОЛ)

Калининград накрыло золотым куполом. Связь с большой землёй оборвалась, электричество погасло, привычный мир рухнул в одно мгновение. Миллион человек оказались в ловушке — отрезанные от России, от близких, от будущего. В городе, где веками учились жить рядом русские, армяне, татары, литовцы, поляки и евреи, наступает час истины. Кто станет зверем, а кто — человеком? Что останется, когда отнимут всё? И можно ли найти рассвет там, где горизонт навсегда стал золотым? Это история не о конце света. Это история о выборе. О любви, которая сильнее страха. О единстве, которое невозможно разрушить.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Золотой Горизонт 1.0

Книга 1

Эта книга посвящается вам – жителям Калининграда, настоящим и бывшим, тем, кто родился здесь и тем, кто стал своим.

Тем, кто помнит, как пахнет Балтийское море после шторма, и тем, кто слышал звон трамваев на Ленинском проспекте. Тем, кто гулял по острову Канта и смотрел на закат с набережной. Тем, для кого Кафедральный собор – не просто достопримечательность, а часть души.

Эта книга – о вас и для вас. О том, как в одном городе веками учились жить рядом русские и армяне, татары и литовцы, поляки и евреи, белорусы и украинцы, немцы и многие-многие другие. О том, как разные языки, разные традиции, разные судьбы сплетались в один удивительный узор – калининградский.

Я хочу, чтобы, читая эту книгу, вы узнали себя. В Вере Андреевне, потерявшей сына, но не потерявшей себя. В Зорине, для которого честь и долг – не пустые слова. В Алисе, выросшей из испуганной девочки в настоящего бойца. В Руслане, нашедшем свой путь в мёртвом мире. В Марате, Ильясе, Петровиче, Сергее. В Тер-Петросе и Рашид-хазрате, которые вместе молятся о мире. В пан Збигневе и Марке Гольдштейне, отложивших старые споры ради общего будущего. Даже в Боровском – чтобы помнить, какой ценой даётся выбор.

Эта книга – о том, что когда приходит беда, все эти «русские», «армяне», «татары», «литовцы», «поляки», «евреи» перестают быть ярлыками. Они становятся просто людьми. Соседями. Братьями. Семьями, которые вместе идут к огню.

Я хочу, чтобы, закрывая последнюю страницу, вы поняли главное: ваша сила – не в том, чтобы отделиться, а в том, чтобы быть вместе. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

Спасибо вам за этот город. За его уникальную душу. За то, что вы есть.

Давайте жить дружно!

Дорогой друг!

Если ты открыл эту книгу – значит, ты либо уже знаком с миром, который я попытался создать, либо только собираешься сделать первый шаг в него. В любом случае – добро пожаловать. Я рад, что ты здесь.

Знаешь, есть такой старый вопрос, который писатели часто задают сами себе: «Зачем я это пишу?» Иногда ответ прост: чтобы рассказать историю, которая не даёт покоя. Иногда сложнее: чтобы разобраться в себе, в людях, в мире. А иногда – чтобы просто побыть с теми, кто тебе дорог, пусть даже эти люди живут только на бумаге.

Для меня «Золотой горизонт» стал всем этим сразу.

О том, как всё начиналось

Всё началось с образа. Я увидел его однажды – золотой купол, накрывающий город, пульсирующий ровным, почти живым светом. И сразу подумал: а что, если это случится на самом деле? Что будет с людьми, которые окажутся внутри? С теми, кто потеряет связь с большой землёй, с близкими, с привычным миром? С теми, кто вдруг поймёт, что помощи ждать неоткуда и рассчитывать можно только на себя и на того, кто рядом?

Я выбрал Калининград не случайно. Этот город – особенный. Место, где переплелись культуры, языки, истории. Где готические шпили соседствуют с советскими панельками, а балтийский ветер до сих пор помнит шепот древних пруссов, гул немецких цехов и шаги первых советских переселенцев. Калининград – это плавильный котёл, где веками учились жить вместе люди разных национальностей, вер, привычек. И мне было интересно: а что, если поставить этот котёл на огонь? Что выкипит, а что останется

О чём эта книга на самом деле

На первый взгляд, «Золотой горизонт» – это постапокалипсис. Есть катастрофа, есть выживание, есть борьба за ресурсы, есть злодеи и герои. Но если копнуть глубже – а я очень надеюсь, что ты захочешь копнуть, – это книга совсем о другом.

Она о выборе. О том, как в критической ситуации каждый из нас решает: кто он – зверь, готовый рвать других ради куска хлеба, или человек, способный поделиться последним? Помнишь сцену в очереди за хлебом, когда Зорин отдал женщине с ребёнком свои последние деньги? Это не просто жест доброты. Это момент истины. В такие мгновения человек либо возвышается, либо падает навсегда.

Она о связях. О том, как вчерашние чужаки – врач Вера, студентка Алиса, ветеран Зорин, сталкер Руслан, имам Рашид-хазрат, священник Тер-Петрос – становятся одной семьёй. Не по крови, а по духу. Потому что перед лицом общей беды все эти «русские», «армяне», «татары», «литовцы», «поляки», «евреи» перестают быть ярлыками и становятся просто людьми. Соседями. Братьями.

Она о долге. О том, что значит быть врачом, когда нет лекарств, нет света, нет надежды, но есть умирающий на руках. О том, что значит быть солдатом, когда война пришла в твой дом, а ты еле стоишь на ногах. О том, что значит быть отцом – даже не по крови, а по памяти о погибшем друге, чью дочь ты обещал беречь.

Она о прощении. И о том, как трудно простить себя за то, что не спас, не уберёг, не успел.

Цели и задачи

Когда я садился писать, у меня было несколько целей. Я хочу поделиться ими с тобой, чтобы ты понимал, куда мы вместе идём.

Первая цель – напомнить, что человек всегда остаётся человеком. Даже когда мир рушится, когда привычные ориентиры исчезают, когда кажется, что выхода нет, – есть то, что нельзя потерять. Сострадание. Верность слову. Способность любить. Способность жертвовать. Мои герои ошибаются, падают, предают, отчаиваются – но они и поднимаются, прощают, находят в себе силы идти дальше. Потому что иначе – зачем?

Вторая цель – показать цену единства. Мы живём в мире, где так легко разделиться по любому признаку: по национальности, по языку, по политическим взглядам, по достатку. Но когда приходит настоящая беда, все эти разделения становятся пылью. Вера, Алиса, Зорин, Руслан, Марат, Петрович, Тер-Петрос, Рашид-хазрат, пан Збигнев, Марк Гольдштейн – все они разные. Очень разные. Но вместе они – сила. И я хочу, чтобы, читая эту книгу, ты почувствовал: наша сила не в том, чтобы отделиться, а в том, чтобы объединиться. Несмотря ни на что.

Третья цель – исследовать природу страха и надежды. Что происходит с человеком, когда ему нечего терять? Одни, как Боровский, превращаются в хищников. Другие, как Зорин и Вера, становятся опорой для слабых. Третьи, как Алиса, проходят путь от испуганной девочки до настоящего бойца. Четвёртые, как Руслан, находят своё призвание там, где другие видят только смерть. Страх – это топливо. Вопрос только в том, куда направить энергию этого топлива – на разрушение или на созидание.

Четвёртая цель – дать надежду. Как бы ни было темно, всегда есть шанс на рассвет. Золотой купол, накрывший Калининград, – это метафора любой беды, которая может случиться с каждым из нас. Болезнь, потеря, одиночество, отчаяние. Но даже в самой плотной тьме теплится свет – в улыбке ребёнка, в протянутой руке, в тёплом слове, в песне у костра. Мои герои проходят через ад, но они не сдаются. И я верю, что их пример может поддержать кого-то, кто сейчас читает эти строки и борется со своим собственным куполом.

Для чего всё это?

Для чего я потратил столько времени, чтобы оживить этих людей, построить этот город, придумать этот купол? Для чего заставил своих героев страдать, любить, терять и находить?

Наверное, для того же, для чего люди всегда рассказывали друг другу истории. Чтобы помнить. Чтобы понимать. Чтобы чувствовать.

Мы живём в странное время. Информации так много, что она перестаёт что-либо значить. Новости мелькают, сменяя друг друга, не оставляя следа. Люди становятся цифрами в сводках, статистикой, «сопутствующими потерями». А мне хотелось, чтобы каждый, кто прочтёт эту книгу, увидел за этими цифрами живых людей. С их страхами, надеждами, любовью, болью.

Вера – это не просто «врач». Это мать, потерявшая сына и нашедшая смысл в спасении чужих детей. Зорин – не просто «военный». Это человек, который учится жить заново, когда жизнь, кажется, кончена. Алиса – не просто «студентка». Это девочка, которая становится женщиной, потому что иначе нельзя. Боровский – не просто «злодей». Это человек, которого сломала жизнь, и он решил ломать других. Руслан – не просто «сталкер». Это тот, кто нашёл свой путь в мёртвом мире и ведёт за собой других.

Я хотел, чтобы ты, читатель, не просто следил за сюжетом, а прожил эту историю вместе с ними. Почувствовал холод балтийского ветра, увидел золотой свет купола, услышал стрельбу на улицах, вдохнул запах дыма и надежды.

И ещё. Мне очень хотелось поговорить о доме. О том, что дом – это не просто стены и крыша. Это люди, которые тебя ждут. Это место, куда хочется возвращаться. Это чувство, которое живёт внутри. Мои герои теряют свои дома – буквально и фигурально. Но они строят новый. В подвалах, в цехах, у костров – везде, где есть хоть один близкий человек.

О языке и правде

Я старался писать честно. Не приукрашивать, не сглаживать углы. Война – это грязно. Голод – это больно. Смерть – это навсегда. Но среди всей этой грязи, боли и смерти есть место для улыбки, для песни, для объятия, для тихого разговора у огня. Именно эти моменты делают нас людьми.

Я не боюсь показать своих героев слабыми. Вера плачет по ночам. Зорин с трудом встаёт по утрам от боли. Алиса боится до дрожи в коленях. Руслан сомневается. Марат ненавидит свой протез. Но они встают. Идут. Делают. Потому что нельзя иначе.

И напоследок

Знаешь, есть такой парадокс. Когда пишешь книгу, герои начинают жить своей жизнью. Они спорят с тобой, отказываются делать то, что ты задумал, предлагают свои варианты. И в какой-то момент перестаёшь быть творцом – становишься просто летописцем, записывающим то, что происходит само собой. Это удивительное чувство – когда персонажи становятся реальнее, чем многие живые люди.

Я полюбил их всех. Даже Боровского – потому что в каждом злодее есть своя, исковерканная, но правда. И мне грустно расставаться с ними, когда глава заканчивается. Но я знаю, что они останутся с тобой – если ты позволишь им войти в твоё сердце.

Спасибо, что прошёл этот путь вместе со мной. Спасибо, что держишь эту книгу в руках – или читаешь на экране, неважно. Важно, что ты здесь. Что тебе не всё равно.

Я хочу, чтобы, закрыв последнюю страницу, ты посмотрел на небо. Обычное, синее, живое небо – не золотой купол. И улыбнулся. Потому что у тебя есть этот день. Этот миг. Эти люди рядом.

Береги их.

*С огромным уважением и надеждой на встречу на страницах следующих книг,
Анатолий Шигапов*

Глава 1. Тишина перед рассветом

Калининград просыпался медленно, как старый человек, который не любит спешить, но уже не может долго спать. Солнце только начало подниматься над Преголей, и его первые лучи

осторожно трогали воду, окрашивая её в густой золотистый цвет, похожий на расплавленный янтарь. Готические шпили Кафедрального собора вспыхнули первыми – острые, устремлённые в небо, они приняли на себя удар рассвета и засияли, будто факелы. За ними зажглись черепичные крыши немецких особняков на острове Канта – красные, коричневые, зелёные, они веками впитывали балтийскую влагу и теперь отражали солнце тёплым гляncем. А потом свет перекинулся на стеклянные фасады новых бизнес-центров на Ленинском проспекте – холодные, зеркальные, они засверкали так ярко, что на них больно было смотреть.

Город просыпался в запахах. Из кофейен на проспекте Мира тянуло свежесваренным арабикой – дорогие заведения уже открылись для ранних посетителей, деловых людей, которые привыкли начинать день с чашки капучино. Из пекарни на улице Тельмана плыл тяжёлый, сытный дух свежего хлеба – батоны, булки, рогалики только что вынули из печи, и продавщицы в белых фартуках раскладывали их по лоткам. А поверх всего этого витал запах бензина – первые трамваи, дребезжа на стыках рельсов, уже везли пассажиров: рабочих в спецовках, студентов с рюкзаками, старушек с авоськами, чиновников с портфелями.

На остановке у Южного вокзала толпился народ. Говорили по-русски, но то и дело вплетались литовские слова, польские междометия, армянские приветствия. Калининград был плаvilным котлом, где всё перемешалось так давно, что никто уже не помнил, кто откуда родом. Здесь жили потомки советских переселенцев, приехавших по ордерам в сороковых, и те, чьи предки обосновались здесь ещё при кайзере, когда город назывался Кёнигсбергом и был столицей Восточной Пруссии. Здесь торговали на рынках таджики и узбеки, учили детей в школах армяне и азербайджанцы, лечили в больницах евреи и белорусы. Город давно уже стал своим для всех – и для тех, кто родился здесь, и для тех, кто приехал искать лучшей доли.

Трамвай пятого маршрута, самый старый в городе, подкатил к остановке, заскрипев тормозами. Двери открылись с шипением, и народ повалил внутрь. Вера Андреевна Соболева вошла в заднюю дверь, как делала это каждое утро вот уже двадцать три года. Она встала у поручня, прислонилась спиной к холодной стене и посмотрела в окно.

За стеклом проплывали дома. Вон там, в кирпичной пятиэтажке на улице Пролетарской, она купила квартиру десять лет назад – двушку с балконом и видом на парк. Тогда казалось – навсегда. Сын Пашка пошёл в первый класс, они с мужем, царство ему небесное, ещё были вместе, и жизнь обещала быть долгой и счастливой. Теперь в той квартире живут чужие люди, а Вера снимает комнату в коммуналке на улице Сержанта Колоскова, в старом фонде, с высокими потолками и протекающей крышей. После того, как Пашка погиб, оставаться в той квартире было невыносимо – каждый угол кричал о нём, каждая стена хранила его следы. Она продала её, раздала долги и ушла в съёмное жильё, как в пустоту.

Вера отвела взгляд от окна. Перед ней сидели две старушки – типичные бабушки, какие ещё встречаются в калининградских трамваях: в платках, в старомодных пальто, с авоськами, полными зелени. Укроп, петрушка, лук – видно, с рынка едут, за дешёвкой. Одна, покруглее, с добрым лицом, наклонилась к другой, похудее, и заговорила, не понижая голоса:

– Слышала, Люба, яйца опять подорожали? Сто пятьдесят десятков! Я ещё на той неделе по сто двадцать брала, а теперь – вон оно как.

– Ой, не говори, – вздохнула худая, поправляя платок. – А пенсию когда последний раз индексировали? Смех один. Раньше хоть молоко по двадцать рублей брала, а теперь... Даже творог и тот – роскошь.

– А ты в «Светофоре» бери, там дешевле. – Круглая оживилась. – Правда, очередь с утра – как в Советском Союзе. Я вчера за мукой полчаса стояла. Зато сэкономила.

– В «Светофоре» – да, – согласилась худая. – Но далеко ехать. Мне на автобусе, а он теперь, говорят, вообще ходить перестанет – маршрут закрывают.

– Это почему?

– А кто ж его знает. Говорят, нерентабельно. Властям лишь бы сократить.

Вера слушала этот разговор вполуха, и мысли её были далеко. Ночная смена начиналась через час. В реанимации сейчас тяжёлый больной – парень двадцати пяти лет, Максим, попал в аварию на мопеде. Черепно-мозговая, множественные переломы. Вчера вечером сделали трепанацию, сняли гематому. Сегодня ночью надо следить за давлением, за зрачками, за каждым вздохом. Если отёк пойдёт – всё, не спасут.

Она поймала себя на мысли, что думает об этом парне почти как о сыне. Тот же возраст. Та же глупость – гонять по городу без шлема. Её Пашка погиб не так – он просто переходил дорогу. Зимой, скользко, водитель не справился с управлением. Вера тогда как раз дежурила. Услышала по радиии, что везут сбитого парня, даже не подумала, что это может быть он. А когда увидела лицо – свет погас. Она помнила тот миг до сих пор: белые стены реанимации, яркие лампы, суэта врачей, и она, мать, которая должна спасать чужих, а своего спасти не может. Пашка умер у неё на руках, не приходя в сознание.

С тех пор прошёл год. Вера научилась жить с этой болью – зашила её в самый дальний угол души, запечатала, как контрабандный груз. Но иногда, особенно по утрам, когда город только просыпается, а она возвращается с ночной смены, боль выползала наружу, и тогда хотелось быть в голос. Она не выла. Терпела. Работа спасала.

Трамвай дёрнулся и остановился. «Областная больница», – объявил динамик голосом, записанным ещё в девяностых, хрипловатым и равнодушным.

Вера вышла. Перед ней возвышался больничный комплекс – старое пятиэтажное здание дореволюционной постройки с колоннами и лепниной, и прилепленные к нему современные корпуса из стекла и бетона, безликие, как все новостройки. Запах хлорки ударил в нос ещё на крыльце – резкий, химический, но для неё этот запах пах домом. Здесь она провела больше половины жизни. Здесь родилась как врач. Здесь потеряла сына.

В раздевалке было тихо. Вера переоделась в форму – белый халат, сменная обувь, шапочка. Посмотрела на себя в зеркало: сорок пять лет, седина уже пробивается на висках, морщины у глаз, но взгляд ещё твёрдый. Она поправила волосы и пошла в ординаторскую.

Там уже сидела Аудра, ночная медсестра, литовка из Клайпеды. Она переехала в Калининград пять лет назад, вышла замуж за русского парня, да так и осталась. Работала в реанимации третий год, и Вера ценила её за спокойствие и надёжность.

– Вера Андреевна, – улыбнулась Аудра, поднимаясь навстречу. – А мы вас ждали.

Пациент ваш стабилен, давление сто на шестьдесят, зрачки реагируют.

– Температура? – спросила Вера, беря историю болезни.

– Тридцать семь и два. Держится. Ночью без особенностей, спал под морфием.

– Хорошо. – Вера налила себе чай из закопченного чайника, который помнил ещё советские времена. – Как сама? Как сын?

– Да нормально. – Аудра вздохнула. – Сын звонил вчера, из Вильнюса. Говорит, слухи ходят, что границы могут закрыть. НАТО учения проводит в Польше. Вы не слышали?

Вера поморщилась:

– Я новости не смотрю. Там только про политику. А нам тут людей спасать надо.

– Мой говорит, что если что, надо уезжать. – Аудра помешала чай ложечкой. – А я не хочу. Я тут уже своя. Дом, работа, муж...

– Своя, – кивнула Вера. – Ты, Аудра, здесь нужнее, чем там. А учения... Мало ли что они там учат. Вон сколько лет уже учат, а ничего.

– Дай бог, – перекрестилась Аудра по-католически.

Вера допила чай и пошла в палату к Максиму. Парень лежал под капельницами, опутанный проводами, с трубкой в горле. Мониторы пищали ровно, показывая стабильные показатели. Вера поправила одеяло, проверила пульс, посмотрела зрачки – реакция была, слабая, но была. Значит, борется.

– Держись, сынок, – прошептала она. – Ты молодой, ты справишься.

В палате было тихо, только мерно гудела аппаратура. За окном уже совсем рассвело, солнце заглядывало в палату, рисовало на полу золотые прямоугольники. Вера постояла ещё минуту, потом вышла.

В коридоре встретила Зарему, татарскую медсестру из приёмного покоя, тихую и незаметную. Зарема кивнула и прошла мимо. Вера вдруг подумала, что хорошо бы собрать всех своих – русских, литовку, татарку – да и выпить чаю вместе. Но когда? Смена только началась, впереди двенадцать часов.

Она вернулась в ординаторскую, села за стол и открыла журнал дежурств. Обычное утро. Обычная жизнь.

В общежитии медицинского колледжа было шумно. Трёхэтажное здание на тихой улице за парком гудело, как улей: топот ног по лестницам, крики, смех, звук льющейся воды из душевых. Майское утро ворвалось в открытые окна вместе с запахом сирени – кусты росли прямо под окнами, и цветы уже распустились, наполняя воздух сладкой тяжестью.

Алиса проснулась от того, что солнечный луч упёрся ей прямо в глаз. Она зажмурилась, перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку. Рядом зашевелилась Катя, соседка по комнате, высокая русоволосая девушка с веснушками на носу.

– Алис, вставай, – пробормотала Катя спросонья. – На пары опоздаешь.

– Угу, – промычала Алиса в подушку.

Она знала, что надо вставать. Первая пара – анатомия, самый важный предмет. Если она хочет стать медсестрой, как папа когда-то мечтал, надо учиться. Но тело отказывалось подчиняться. Вчера была практика в больнице, она смертельно устала, ноги гудели, спина болела.

– Алис, – Катя уже не спала и теперь нависала над ней с мокрым полотенцем. – Я считаю до трёх. Раз...

– Встаю! – Алиса села на кровати, откинула одеяло.

В комнате было прохладно – батареи грели плохо, как всегда в мае, пока не дали отопление. На стене, прямо над кроватью, висела фотография отца – в военной форме, с автоматом, молодой и красивый. Сержант, позывной «Байкал». Погиб под Артемовском в две тысячи двадцать третьем. Алисе тогда только исполнилось шестнадцать.

Она смотрела на фото каждое утро. Иногда разговаривала с ним. Глупо, конечно, но легче.

– Пап, – шепнула она сегодня, – мне сегодня Зорин обещал зайти. Тот самый, помнишь? Твой друг. Он вчера звонил, сказал, что приедет проводить. У него спина болит после ранения. Надо бы ему помочь, я ж учусь.

Катя уже натягивала джинсы и футболку. Услышав шёпот, обернулась:

– Ты с кем там шепчешься?

– С папой, – не оборачиваясь, ответила Алиса.

Катя вздохнула и подошла, обняла её сзади:

– Ну ты чего, дурочка? Он там, на небе, слышит тебя. А ты тут живая. Давай, собирайся, я тебе чай сделаю.

В маленькой кухоньке на этаже уже кипела жизнь. Кто-то жарил яичницу, кто-то просто пил растворимый кофе и спорил о политике. Литовец Йонас из соседней комнаты доказывал армянину Армену, что НАТО не посмеет напасть. Йонас был высоким, худым, с умными глазами за очками – учился на историческом, но подрабатывал в общежитии комендантом.

– У них там учения, да, – говорил Йонас на ломаном русском, – но это просто политика. Моя бабушка в Литве говорит, что они каждый год пугают, а ничего не происходит.

– Твоя бабушка не знает, что у нас тут «Искандеры» стоят, – возражал Армен, коренастый парень с густыми бровями. – Если что, мы им покажем.

– Покажешь ты, – усмехнулся кто-то из русских, долговязый Денис, который недавно вернулся из армии. – У тебя автомата нет.

– Зато у меня есть кулаки, – набычился Армен.

– Мальчики, не ссорьтесь, – вмешалась Алиса, наливая себе чай. – Рано утром только политики не хватало.

Она вернулась в комнату с кружкой. За окном уже вовсю гудел город – трамваи, машины, люди. Обычное утро. Через два часа начнётся лекция, потом практика, потом, может быть, придёт Зорин.

Алиса допила чай, надела куртку, взяла рюкзак с учебниками.

– Пошли, – сказала Кате. – А то опоздаем.

Они вышли в коридор, заперли дверь. В общаге пахло борщом из столовой на первом этаже и чуть-чуть сыростью от старых труб.

– Слышала, – шепнула Катя на лестнице, – у Боровского опять какие-то мутные дела. Его люди по городу ездят на дорогих машинах, а сам он в ресторане своём обедает с иностранцами. Говорят, он с литовцами дружит.

– Ну и пусть дружит, – пожала плечами Алиса. – Мне-то что?

– А то, что он в прошлом уголовник. Мне бабушка рассказывала, он в девяностых людей убивал.

– Бабушке твоей везде убийцы мерещатся.

Они вышли на улицу. Солнце уже поднялось, обещая тёплый день. Троллейбус подкатил к остановке, они запрыгнули в него, втиснулись между старушками и студентами.

Алиса смотрела в окно на проплывающий город и думала о том, что жизнь, в общем-то, налаживается. Учеба, друзья, Зорин. Папа был бы доволен.

Она не знала, что до того момента, как мир перевернётся, оставалось меньше двух часов.

Николай Иванович Светлов ехал на работу на старой «Ниве», которую купил ещё в две тысячи пятнадцатом и с тех пор не мог с ней расстаться. Машина дребезжала, скрипела, но заводилась с пол-оборота в любой мороз, и за это Николай Иванович прощал ей всё.

Посёлок Янтарный, где располагался комбинат, встречал утро запахом моря и сосен. Дорога вилась вдоль побережья. Слева – Балтийское море, серо-зелёное, с белыми барашками волн. Справа – сосновый лес, где в это утро пахло так сильно, что кружилась голова. Николай Иванович опустил стекло и глубоко вдохнул. Воздух был смешан с йодом и хвоей – лучший рецепт от всех болезней, как говорила его покойная жена.

Она умерла пять лет назад. Рак. Он до сих пор не мог привыкнуть к пустоте в доме. Дочь уехала в Москву, вышла замуж, родила внуку. Звонила редко – у них там своя жизнь, гонка, карьера. Николай Иванович не осуждал. Просто скучал.

«Нива» въехала на территорию Янтарного комбината. Это был город в городе – цеха, склады, административные здания, музей. Николай Иванович работал здесь главным инженером с две тысячи двенадцатого. Начинал ещё в советское время, когда комбинат гремел на весь Союз. Теперь всё по-другому: технологии, оборудование, даже люди другие. Но янтарь оставался тем же.

Он прошёл в свой кабинет, переоделся в рабочий халат и отправился в цех. Сегодня предстояло проверить новую партию сырья – крупные образцы, которые добыли накануне.

В цехе гудели механизмы. Рабочие в касках сустились у конвейеров, где сортировали янтарь – от мелкой крошки до увесистых кусков размером с кулак. Николай Иванович подошёл к столу, где лежал самый крупный образец – килограмма три, не меньше. Красивый, медового цвета, с тёмными прожилками внутри.

– Ну-ка, покажи, – сказал он лаборанту, молодому парню с серьгой в ухе.

Лаборант поднёс дозиметр. Прибор пискнул раз, другой, третий – и затих.

– Фон в норме, Николай Иванович, – сказал парень.

– А визуально?

Николай Иванович наклонился к янтарию. Ему показалось, или камень действительно слабо светится изнутри? Какое-то едва уловимое золотистое мерцание, будто там, внутри, зажгли крошечную лампочку.

– Да вроде нормально, – пожал плечами лаборант. – Солнце отсвечивает.

– Солнце, – повторил Николай Иванович. – Ладно, работайте.

Он отошёл от стола, но чувство странной тревоги не покидало его. Янтарь он знал, как свои пять пальцев. Работал с ним сорок лет. Никогда не видел, чтобы камень вёл себя так.

– Чушь, – сказал он себе. – Старею, мерещится.

Но прежде чем уйти, он всё же записал в блокнот: «Образец № 447-Б. 05:47. Наблюдается слабое свечение. Рекомендуются дополнительная проверка».

Он не знал, что этот образец станет ключом ко всему. И что очень скоро свечение янтара будет видно невооружённым глазом за сотни километров.

В центре города, в ресторане «Борн», тоже начиналось утро. Ресторан считался одним из лучших в Калининграде – дубовые панели, кожаные диваны, хрустальные люстры. Виталий Боровский, хозяин заведения, любил, когда гости чувствовали себя богато. Сам он завтракал здесь каждое утро, за отдельным столиком у окна, откуда открывался вид на проспект Мира.

Сегодня у него были гости – литовские бизнесмены, братья Паулаускасы, с которыми Боровский вёл дела уже лет пять. Йонас, старший, был толстым и лысеющим, с хитрыми глазами. Римантас, младший, – худой, нервный, постоянно крутил в пальцах золотую зажигалку.

На столе стоял завтрак, достойный королей: яичница с трюфелями, свежавыжатый апельсиновый сок, круассаны, кофе в серебряном кофейнике. Боровский отрезал кусочек яичницы, отправил в рот и проговорил, жуя:

– За что пьём? Хотя утро, рановато для выпивки.

– За будущее, – поднял чашку с соком Йонас. – За то, что скоро всё изменится.

– Оптимист, – хмыкнул Римантас. – У нас в Литве говорят: русский оптимизм – это когда ждёшь, что будет лучше, а становится хуже.

– Это вы зря, – Боровский отодвинул тарелку. – Я не русский оптимист, я реалист. Посмотрите на этот город. – Он кивнул на окно, за которым спешили прохожие. – Что они видят? Трамваи, серые дома, очереди за дешёвой колбасой. А что могло бы быть? Евросоюз, открытые границы, туристы, бизнес.

– Так переезжай к нам, в Клайпеду, – предложил Йонас.

– Я хочу, чтобы Калининград стал Клайпедой, – отрезал Боровский. – Понимаете разницу? Здесь моя родина. Я тут родился, вырос, всего добился. И я хочу, чтобы мои дети жили в нормальной стране, а не в этой...

Он не договорил, но жест получился выразительным.

Литовцы переглянулись.

– Слушай, Виталя, – осторожно начал Римантас. – Мы с тобой дружим, бизнес делаем. Но такие разговоры... ты понимаешь, сейчас время такое. Везде камеры, везде уши.

– Брось, – отмахнулся Боровский. – Здесь свои. И потом, что я такого сказал? Правду? Россия отсталая страна. Здесь невозможно жить по-человечески. Одни чиновники-ворюги, другие – ватники, которые за царя и отечество. А где середина? Где нормальные люди?

– Нормальные – это какие? – усмехнулся Йонас.

– Нормальные – это те, кто хочет жить хорошо. Зарабатывать, отдыхать, детей в хорошие школы водить. А не стоять в очередях за гречкой и слушать про великую державу.

Официант принёс десерт – чизкейк с малиновым соусом. Боровский отодвинул тарелку.

– Я не буду. Слежу за фигурой.

– А мы будем, – засмеялся Римантас. – У нас в Литве таких проблем нет, там можно и потолстеть.

– В Литве, – подхватил Боровский, – и живут по-человечески. Я вам завидую. У вас НАТО, у вас Евросоюз. А у нас что? Учения, «Искандеры», истерика в новостях. Скоро границы закроют, и мы тут сгнием.

– Не сгниешь, – успокоил Йонас. – Ты ж умный. Наладил связи, заработал. При любом раскладе выживешь.

– При любом, – согласился Боровский. – Я везде выживу. Но хочется не выживать, а жить.

Он посмотрел в окно. Там, на тротуаре, какая-то старушка тащила тяжёлые сумки. Рядом бежал студент с рюкзаком. Девушка в короткой юбке спешила на свидание. Обычный город, обычные люди. Боровский смотрел на них сверху вниз, из своего ресторана, и чувствовал легкое презрение.

Они не понимают, думал он. Они живут одним днём. А надо думать о будущем. О том, что будет через год, через пять, через десять. И готовиться.

– Ладно, – он поднялся, пожал руки литовцам. – Приятно было пообщаться. Заезжайте, если что. Всегда рад.

Он вышел из ресторана, сел в новый «Мерседес» и уехал. Через два часа ему должны были доставить очередную партию товара на склад. Бизнес не ждёт.

Боровский не знал, что эти товары скоро станут дороже золота. И что очень скоро его презрение к «этим людям» обернётся ненавистью, которая поставит его по другую сторону баррикад.

Балтийск пах морем и соляжкой.

Зорин сидел на скамейке у военно-морского госпиталя и смотрел на горизонт. Там, где Балтийское море сливалось с небом, виднелись корабли Балтийского флота – серые силуэты на фоне утреннего солнца. Эсминцы, корветы, подводные лодки – мощь, закованная в сталь, сейчас казалась застывшей и безмятежной.

Физиотерапия была позади. Очередная процедура, от которой спина болела ещё сильнее, чем до. Врач, молодой лейтенант медицинской службы, сказал: «Григорий Тимофеевич, надо набираться терпения. Такие травмы за полгода не проходят». Зорин кивнул, хотя в душе скребли кошки. Он привык к другому ритму жизни. К прыжкам с парашютом, к марш-броскам, к боям. А тут – сиди и жди, пока срастётся.

Он поднялся, опираясь на трость. Хромота была заметной, но терпимой. Главное – идти. Если остановишься, считай, проиграл.

Мимо прошли двое сослуживцев в форме. Увидели Зорина, отвели глаза и ускорили шаг. Он их не окликнул. Зачем? Они не знали, что говорить. Вчерашний герой, который сегодня еле ходит, – это неудобно. Легче сделать вид, что не заметил.

Зорин побрёл к морю. Балтийск был военным городком – узкие улочки, старые дома, заборы с колючей проволокой. Здесь всё подчинено флоту. Даже запахи – соляжка, металл, море.

Он вышел на набережную. Волны лениво накатывали на песок, оставляя полосы пены. Вдалеке виднелся маяк. Зорин сел на парапет, положил трость рядом.

Мысли вернулись к прошлому. Артёмовск, две тысячи двадцать третий. Они зашли в посёлок с юга, думали, что там пусто. А оказалось – засада. «Байкал» шёл первым. Зорин видел, как он упал, как закричал. Пытался подползти, но снайпер работал по площадям. Только через час, когда подошла поддержка, смогли вытащить тело.

«Байкал» – сержант, друг. У него дочь осталась, Алиса. Зорин обещал тогда, ещё под Артёмовском, что если с ним что случится, присмотрит за девочкой. Обещал – и держал слово.

Он достал телефон, набрал номер. Алиса ответила почти сразу.

– Дядь Гриш? – голос у неё был сонный, но радостный. – Вы как? Я вас жду сегодня.

– Скоро буду, – сказал Зорин. – Спина немного, но доберусь. Ты как там?

– Нормально. На пары иду сейчас. А вы после обеда приезжайте, я как раз освобожусь.

– Договорились.

Он отключился и снова посмотрел на море. Алиса – единственное, что держало его в этом городе. Если бы не она, уехал бы куда-нибудь в Сибирь, в тайгу, залечивать раны в одиночестве. Но нельзя. Обещал.

Солнце поднималось всё выше. День обещал быть тёплым. Зорин ещё немного посидел, потом поднялся и пошёл обратно к остановке.

Он не знал, что этот день станет последним днём старого мира. Что через несколько часов всё, что он знал и любил, будет отрезано золотой стеной. И что Алисе понадобится его защита сильнее, чем когда-либо.

Город жил своей обычной жизнью. Трамваи звенели, люди спешили, продавщицы в пекарне раскладывали свежий хлеб. Никто не знал, что тишина перед рассветом – это тишина перед бурей. Что золотой горизонт, который только начинал разгораться на востоке, станет для них всех клеткой.

Но это будет через несколько часов. А пока – утро. Обычное майское утро в Калининграде.

Глава 2. Янтарь просыпается

Дорога от Калининграда до посёлка Янтарный занимала обычно около часа, но Николай Иванович любил этот час больше всего на свете. Старая «Нива» дребезжала на ухабах, подпрыгивала на стыках асфальта, но упрямо катила вперёд, разрезая утренний туман, который ещё держался над низинами. Стёкла были опущены, и в салон врвался ветер – солёный, свежий, перемешанный с запахом хвои. Николай Иванович глубоко вдыхал этот воздух, и каждый раз ему казалось, что лёгкие наполняются не просто кислородом, а самой жизнью – той самой, что текла в жилах этого древнего края, где море встречалось с лесом, а янтарь веками хранил тайны ушедших эпох.

Слева, за полосой кустарника, открывалось море. Оно было спокойным сегодня – серо-зелёная гладь, по которой пробегала лёгкая рябь, словно кто-то невидимый водил пальцем по поверхности. Чайки с криками носились над водой, высматривая рыбу, и их пронзительные голоса врвались в шум мотора, создавая странную симфонию утра. Справа тянулся сосновый лес – стройные рыжие стволы, зелёные кроны, внизу – ковёр из вереска и мха. Николай Иванович знал здесь каждое дерево, каждый поворот. Сорок лет он ездил этой дорогой, и она не надоедала ему никогда. Наоборот – с годами он стал замечать детали, которых раньше не видел: как меняется цвет моря в зависимости от погоды, как пахнет лес после дождя, как по-особенному кричат чайки перед штормом.

Мысли текли медленно, как смола. Он думал о жене – Вера, царствие ей небесное, тоже любила эти места. Они часто приезжали сюда по выходным, брали термос с чаем, бутерброды и сидели на берегу, глядя на закат. Она говорила: «Коля, здесь время останавливается. Посмотри, как красиво». Он смотрел и соглашался. Теперь он ездил один. Иногда брал с собой внучку, когда та приезжала на каникулы, но последние два года дочь не привозила детей – всё дела, работа, школа. Москва, она такая – засасывает. Звонила редко, в основном по праздникам, и разговоры становились всё короче. «Как дела? – Нормально. – Как внучка? – Хорошо. – Приезжайте. – Как-нибудь...» И всё. Николай Иванович не обижался, просто скучал. Но виду не показывал – не в его характере было жаловаться.

«Нива» одолела очередной подъём, и впереди показался посёлок. Янтарный встречал гостей аккуратными домиками в немецком стиле – черепичные крыши, фахверк, цветы на подоконниках. Туристы любили это место – море, сосны и, конечно, сам комбинат, единственное в мире промышленное месторождение янтаря. Но сейчас, в начале мая, туристов было мало – сезон ещё не начался. Улицы пустовали, только местные жители спешили по своим делам: кто-то вёл ребёнка в школу, кто-то нёс сумки из магазина, кто-то просто сидел на лавочке у

подъезда, греясь на солнышке. Жизнь текла размеренно, как и положено в маленьком посёлке у моря.

Николай Иванович припарковался на стоянке у проходной. Охранник, молодой парень в форме частного охранного предприятия, лениво козырнул и пропустил его. Парня звали Сергей, он работал здесь недавно, но уже успел запомнить всех старожилов. Николай Иванович кивнул ему и прошёл через турникет. Территория комбината гудела – заработали механизмы, грузовики вывозили породу из карьера, вдалеке слышался стук дробилок. Воздух здесь пах иначе, чем в лесу – пылью, маслом, чем-то химическим. Но Николай Иванович привык и этот запах казался ему родным. Сколько раз он вдыхал его, входя на территорию, – и всегда это означало начало рабочего дня, полного забот и привычных хлопот.

В раздевалке было пусто. Он переоделся в рабочий халат – старый, вытертый на локтях, но любимый, надел каску и направился в административный корпус. Надо было зайти к начальнику карьера, уточнить план на сегодня, но ноги сами понесли его в цех. Там, в цехе первичной обработки, лежал тот самый крупный образец, о котором вчера говорили в новостях. Говорили, что таких крупных камней не находили уже лет десять. Николаю Ивановичу не терпелось увидеть его своими глазами.

Цех гудел, как улей. Огромные барабаны промывали породу, отделяя янтарь от пустой руды. Вода с шумом лилась по желобам, конвейеры двигались, перетаскивая камни. Рабочие в касках и резиновых сапогах стояли у своих постов, следя за процессом. Николай Иванович прошёл мимо, кивая знакомым. Вот Иван Петрович, старый друг, с которым они когда-то начинали, теперь работает мастером смены. Вот молодой парень Коля, сын того самого Ивана, тоже пошёл по стопам отца. Вот женщины в спецовках сортируют мелкие фракции – их ловкие пальцы быстро перебирают камни, отделяя брак от качественного сырья.

– Николаич, здорово! – окликнул его пожилой мастер Степаныч, с которым они работали ещё с советских времён. Степаныч был низеньким, коренастым, с седыми усами и вечно прищуренными глазами. – Ты чего так рано? Смена через час.

– Да не спится, – отмахнулся Николай Иванович. – Пойду посмотрю на ночную добычу. Говорят, крупный образец подняли.

– А, ну да, – Степаныч почесал затылок. – Там такой кусман – килограмма три, не меньше. Чистый, как слеза. Я сам удивился. Давно такого не было. Помнишь, в девяносто восьмом нашли похожий? Тогда ещё из Москвы приезжали, хотели купить для какого-то музея.

– Помню. – Николай Иванович кивнул. – Тот ещё поменьше был, около двух кило. А этот, говоришь, три?

– Три с хвостиком. Я сам взвешивал. – Степаныч понизил голос. – И знаешь, странный он какой-то. Вроде бы обычный янтарь, а посмотришь – и кажется, что внутри свет горит. Может, это из-за солнца?

– Посмотрим, – сказал Николай Иванович, и в груди у него шевельнулось нехорошее предчувствие.

Он прошёл в конец цеха, где на специальном столе лежали образцы, отобранные для изучения. И действительно – огромный кусок янтаря медового цвета, с тёмными прожилками, занимал почётное место в центре. Николай Иванович подошёл ближе, наклонился. Камень был тёплым на ощупь – странно, обычно янтарь прохладный, даже если полежит на солнце. А этот будто излучал тепло изнутри. И внутри, в самой глубине, мерцало что-то золотистое, едва уловимое, похожее на отблеск далёкого костра.

– Ну-ка, покажи, – сказал он подошедшему лаборанту, тому самому парню с серьгой, которого звали Паша.

Паша поднёс дозиметр. Прибор пискнул раз, другой, третий – и затих. Стрелка даже не дрогнула.

– Фон в норме, Николай Иванович, – сказал парень. – Я уже проверил. И радиации нет, и прочих излучений. Чисто.

– А визуально?

– Да вроде нормально. Солнце отсвечивает.

– Солнце здесь с какой стороны? – Николай Иванович показал на окно, выходящее на север. – Оно же с другой стороны. Солнце сейчас на юго-востоке, а окна на север. Как оно может отсвечивать?

Паша пожал плечами:

– Ну, отражение от стен, может быть. Лампы.

– Лампы погашены. – Николай Иванович указал на потолок. Действительно, верхний свет не горел, только естественное освещение из окон, которое было довольно тусклым. – И стены у нас серые, не зеркальные.

Паша посмотрел на потолок, потом на камень, и на его лице отразилось недоумение. Свечение исходило из самого камня, и теперь, когда Николай Иванович обратил на это внимание, это стало очевидно. Камень пульсировал мягким золотистым светом, и пульсация была ритмичной, как сердцебиение.

– Странно, – признал Паша. – Никогда такого не видел. Может, это какая-то разновидность люминесценции? В янтаре иногда встречаются включения, которые светятся под ультрафиолетом.

– Но ультрафиолета здесь нет, – возразил Николай Иванович. – Солнце даёт ультрафиолет, но оно с другой стороны, и стекла окон его частично задерживают. Да и свет идёт изнутри, а не от поверхности. Посмотри – он равномерный, по всему объёму.

Он достал из кармана лупу – старую, ещё отцовскую, с потёртой оправой – и принялся рассматривать камень. Прожилки внутри были необычными – они не походили на обычные включения (кусочки коры, насекомые, пузырьки воздуха), а складывались в правильные геометрические узоры. Будто кто-то нарисовал их тонкой кистью, следуя строгому чертежу. Николай Иванович разглядывал эти линии, и у него возникло странное ощущение, что он уже видел нечто подобное. Где? Может, в старых книгах по минералогии? Или в тех отчётах, которые он читал много лет назад?

– Паш, а ты помнишь, в две тысячи восьмом тоже был случай – янтарь светился? – спросил он, не отрываясь от камня.

– Это когда с вертолётa сбрасывали что-то? – Паша наморщил лоб. – Батя рассказывал. Говорил, после того случая несколько лет янтарь с аномалиями попадался. Но я тогда мелкий был, не помню.

– Да, тогда военные учения проводили, какие-то новые боеприпасы испытывали. И после этого наш комбинат завалили заказами на исследования. Я тогда молодым специалистом был, только начинал. Помню, приезжали люди в штатском, забирали образцы, а потом возвращали с пометкой «секретно». – Николай Иванович выпрямился и потёр поясницу – долгое стояние в наклон давало о себе знать. – И ещё был один случай, в две тысячи двенадцатом. Тогда тоже находили камни с аномальным свечением, но быстро всё замяли. Я тогда пытался узнать подробности, но мне сказали – не твоего ума дело.

– Думаете, опять что-то такое? – спросил Паша, и в его глазах зажёгся азарт исследователя.

– Не знаю. – Николай Иванович покачал головой. – Но проверить надо обязательно. Запиши-ка данные: образец № 447-Б, время 05:47, наблюдается слабое свечение. Рекомендую спектральный анализ, рентгеноструктурный, и проверить на наличие электромагнитного поля.

Паша послушно записал в блокнот. Он был толковым парнем, хотя и выглядел как типичный представитель молодёжи – джинсы с дырками, серьга, на руке татуировка в виде дракона. Но янтарь любил, понимал в нём толк, и Николай Иванович ценил это. Таких, как Паша, ста-

новилося всё меньше – молодёжь стремилась в офисы, в айти, а не на завод. А Паша пришёл по зову сердца, потому что дед его тоже работал на комбинате.

– Сделаем, Николай Иванович, – сказал Паша. – Я сейчас же займусь.

– Ладно, работайте, – сказал Николай Иванович, отходя от стола. – Я к себе, если что – зовите.

Он вышел из цеха и направился в административный корпус. Солнце уже поднялось выше, и его лучи заливали территорию комбината золотистым светом. В этом свете было что-то тревожное – слишком яркое, слишком насыщенное. Николай Иванович посмотрел на небо – ни облачка, чистая голубизна. Но на горизонте, там, где море встречалось с небом, висела лёгкая дымка, и она тоже имела золотистый оттенок.

«Странно», – подумал он. – «Обычно дымка бывает белесой или серой. А тут золотая. Может, из-за солнца?»

Он отогнал мысли и вошёл в административный корпус. В приёмной начальника карьера сидела секретарша, полная женщина лет пятидесяти, которая работала здесь со дня основания комбината. Её звали Нина Петровна, и она была живой легендой – помнила всех директоров, все скандалы, все истории. За стеклом у неё на столе стояла коллекция янтарных безделушек – фигурки зверей, шкатулки, бусы.

– Николай Иванович, проходите, – улыбнулась она. – Алексей Петрович уже на месте. Кофе будете?

– Спасибо, Нина Петровна, с удовольствием.

Она налила ему чашку чёрного кофе из кофемашины – не чета тому растворимому, что пили в цехе. Николай Иванович сделал глоток, ощутил горечь и тепло, и на мгновение ему показалось, что всё хорошо, что мир стабилен и предсказуем. Но тревога не уходила.

– Что-то случилось? – спросила Нина Петровна, заметив его задумчивость. – Вы какой-то не такой сегодня.

– Да так, – отмахнулся Николай Иванович. – С камнем одним странность. Светится.

– Чем светится?

– Янтарём. Крупный образец, сегодня подняли. Изнутри свет идёт.

Нина Петровна перекрестилась:

– Не к добру это. Я помню, в двухтысячном тоже такое было. Тогда наводнение случилось, полпосёлка затопило.

– Совпадение, – сказал Николай Иванович, хотя сам не верил в совпадения.

Он допил кофе и постучал в дверь кабинета.

Начальник карьера, Алексей Петрович Круглов, был человеком новой формации – молодой, амбициозный, с МВА и связями в областном правительстве. Он пришёл на комбинат пять лет назад и сразу начал внедрять современные технологии. Старые кадры ворчали, но результат был – добыча выросла, зарплаты повысились, комбинат вышел на новые рынки. Николай Иванович относился к нему с уважением, хотя иногда спорил по техническим вопросам. Круглов был из тех, кто слушает, но делает по-своему.

– Николай Иванович, заходи! – Круглов сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то быстро печатал на ноутбуке. Он был в дорогом костюме, без галстука, с модной стрижкой. – Ты чего так рано? Что-то случилось?

– Да нет, просто не спалось. Решил на ночную смену заглянуть, посмотреть, что накопили.

– А, ну да. – Круглов откинулся в кресле. – Слышал, крупный образец подняли. Ты видел?

– Видел. – Николай Иванович сел на стул напротив. – И знаешь, Алексей Петрович, странный он какой-то. Светится.

– В смысле светится? – Круглов нахмурился.

– В прямом. Изнутри свет идёт. Я дозиметром проверил – фон в норме, а визуально – светится. И не просто светится, а пульсирует.

Круглов постучал пальцами по столу. Он всегда так делал, когда обдумывал информацию.

– Люминесценция? У янтаря такое бывает, если его ультрафиолетом облучить. Может, в цехе есть источники УФ?

– Нет, Алексей Петрович. Я проверил. Никаких источников. И свет идёт изнутри, это видно даже невооружённым глазом.

– Хм. – Круглов почесал подбородок. – Надо бы исследовать. Может, новый вид, с примесями редкоземельных элементов. Свяжись с институтом, попроси спектральный анализ.

– Уже, Пашу отправил записывать данные.

– Молодец. – Круглов посмотрел на часы. – Ладно, давай вечером созвонимся, скажешь, что там у тебя. А сейчас извини, совещание через полчаса. Приедут из области, будут говорить о расширении производства.

Николай Иванович кивнул и вышел. Разговор с начальником не успокоил, а наоборот – оставил чувство недосказанности. Круглов, конечно, прав – надо исследовать. Но почему-то на душе было тревожно. Слишком много совпадений: и этот камень, и золотая дымка на горизонте, и воспоминания о прошлых аномалиях.

Он вернулся в свой кабинет – небольшую комнатку на втором этаже, с окном, выходящим на карьер. Стол, стул, шкаф с папками, на стенах – старые фотографии: комбинат в семидесятые, восьмидесятые, девяностые. На одной – он сам, молодой, с длинными волосами, стоит у первого вскрытого пласта. Рядом – жена, улыбается в объектив. Это было в восемьдесят пятом, они только поженились. Она приехала к нему на комбинат, и он показывал ей, как добывают янтарь. Тогда она сказала: «Коля, это же волшебство – находить такие камни. Они хранят тепло солнца миллионы лет». Он тогда засмеялся, сказал, что это просто окаменевшая смола. А теперь...

Николай Иванович сел за стол, открыл журнал наблюдений и начал записывать утренние события. Рука двигалась медленно, выводя буквы старомодным почерком, которому его учили ещё в советской школе. «Образец № 447-Б. Размеры: 15x10x8 см. Вес ориентировочно 3,2 кг. Цвет медовый, в виде тёмных прожилок, образующих геометрический узор. Наблюдается внутреннее свечение золотистого оттенка, интенсивность слабая, но стабильная. Дозиметрия в норме. Рекомендовано: спектральный анализ, рентгеноструктурный анализ, проверка на радиоактивность, проверка на электромагнитное поле».

Закончив писать, он отложил ручку и посмотрел в окно. Карьер жил своей жизнью – огромная воронка, уходящая вглубь земли, по дну которой ползали самосвалы, поднимая облака пыли. Глубина здесь была приличная – метров шестьдесят, не меньше. Внизу работали экскаваторы, загружая породу в машины. Потом эту породу повезут на обоганительную фабрику, где из неё извлекут янтарь – крошечные крупинки, которые потом станут украшениями, сувенирами, деталями приборов. Николай Иванович знал каждый этап этого процесса, каждую тонкость. Он любил эту работу, любил этот карьер, любил этот посёлок. И сейчас ему вдруг стало страшно, что всё это может исчезнуть.

– Глупости, – сказал он вслух. – Что может исчезнуть? Катастроф не будет. Всё будет хорошо.

Он попытался убедить себя в этом, но внутренний голос твердил обратное.

В дверь постучали. Вошёл Паша, держа в руках блокнот и какие-то распечатки. Он был взволнован – это читалось в его быстрых движениях и блестящих глазах.

– Николай Иваныч, я тут нашёл кое-что, – сказал он, подходя к столу. – В архиве. Помните, вы про две тысячи восьмой год говорили?

– Ну?

– Я залез в электронную базу. Там есть отчёты за тот год. В августе действительно был всплеск заявок на исследования. Двадцать три образца отправляли в Москву. А потом – гриф секретности. До сих пор не снят.

Николай Иванович нахмурился:

– Двадцать три? Это много. Обычно отправляют по два-три в год. И все с грифом?

– Все до единого. – Паша положил распечатки на стол. – И знаете что ещё? В декабре того же года закрыли лабораторию, где эти исследования проводили. С тех пор там склад.

– Лабораторию? Какую?

– Ту, что в подвале главного корпуса. Раньше там спектральный анализ делали, а потом вдруг закрыли. Оборудование вывезли, персонал уволили. Я нашёл акты – всё списано, помещение опечатано.

Николай Иванович задумался. Он помнил эту лабораторию – небольшая, но хорошо оснащённая. Там работали толковые ребята, некоторые из них потом уехали в Москву, в академические институты. И вдруг – закрыли. Тогда это объяснили оптимизацией, сокращением расходов. Но двадцать три образца, гриф секретности... Может, не просто так?

– Паш, а ты можешь достать те отчёты? Хотя бы вводные данные?

– Пытался, – вздохнул Паша. – Доступа нет. Только номер заявок и даты. Сами отчёты в закрытом архиве, ключи у службы безопасности. Я спрашивал у Степаныча, он сказал, что туда даже директор без санкции не заходит.

– У службы безопасности? – удивился Николай Иванович. – Обычно научные отчёты хранятся у нас, в отделе. Почему в службе безопасности?

– Ну, может, они не совсем научные были, – многозначительно сказал Паша и понизил голос. – Слышал я одну историю. В две тысячи восьмом на учениях НАТО что-то испытывали – то ли новое оружие, то ли систему связи. И наши тоже что-то делали. И янтарь как-то реагировал. Якобы он может накапливать какую-то энергию, если на него воздействовать определённым полем. А потом наши учёные пытались это повторить, но ничего не вышло. И все материалы засекретили.

– Откуда такие слухи?

– Да интернет тогда гудел, а потом всё почистили. Но кое-что осталось на форумах. Я ночью искал, нашёл пару ссылок. – Паша протянул ещё одну распечатку – это были скриншоты с какого-то форума, где обсуждалась аномалия в Калининградской области. Там были расплывчатые фотографии светящегося янтаря, сделанные на мыльницу, и комментарии: «У нас в посёлке такое видели», «Это секретные испытания», «НАТО виновато».

Николай Иванович просмотрел распечатки. Фотографии были нечёткие, но на некоторых действительно можно было разглядеть свечение, похожее на то, что он видел сегодня.

– Это может быть всё, что угодно, – сказал он. – Подделка, фотошоп, игра света.

– Может, – согласился Паша. – Но слишком много совпадений. И сегодняшний камень, и те, старые. И ещё – я проверил спектрометром. Тот камень даёт излучение в диапазоне, которого нет в природе. Я сравнил с базой – ничего похожего.

Николай Иванович встал:

– Пойдём, посмотрим.

Они вернулись в цех. Камень по-прежнему лежал на столе, и его свечение стало заметно ярче. Вокруг собрались несколько рабочих, которые перешёптывались и показывали пальцами. Увидев Николая Ивановича, они расступились.

– Николай Иваныч, что это? – спросил Степаныч, крестясь. – Нечистая сила?

– Какая нечистая сила, Степаныч? – отрезал Николай Иванович. – Это наука. Просто редкое явление.

Он подошёл к камню и взял его в руки. Камень был тёплым, почти горячим, и пульсация ощущалась даже через кожу – будто внутри билось живое сердце. Николай Иванович почувствовал лёгкое головокружение и отстранил камень от себя.

– Паш, измерь ещё раз спектр.

Паша направил спектрометр на камень. Прибор запищал, выдал данные. Паша посмотрел на экран и побледнел:

– Николай Иванович, тут такое... Интенсивность выросла в три раза по сравнению с утром. И частота изменилась. Она... она совпадает с частотой пульсации.

– Какой пульсации?

– Ну, вы говорили, что камень пульсирует. Я измерил частоту – примерно один герц. И спектр показывает ту же частоту. Камень генерирует электромагнитное поле с частотой один герц.

Николай Иванович почувствовал, как по спине пробежал холодок. Один герц – это частота, близкая к частоте сердечных сокращений человека. И к частоте некоторых геомагнитных колебаний.

– Надо сообщить в МЧС, – твёрдо сказал он. – Это может быть опасно.

– Подождите, Николай Иванович, – вмешался Паша. – Давайте сначала сами разберёмся. Если мы сообщим, придут какие-нибудь службы, всё опечатают, и мы никогда не узнаем правду. А может, это открытие века.

– Или катастрофа века, – возразил Николай Иванович. – Я не могу рисковать людьми.

В этот момент раздался гул. Сначала низкий, едва слышный, потом всё нарастающий. Стены задрожали, с потолка посыпалась пыль. Рабочие закричали, кто-то упал. А потом свет погас – весь цех погрузился во тьму, и только камень на столе горел ярким золотым пламенем, освещая лица людей призрачным светом.

– Что это? – закричал Степаныч.

Николай Иванович бросился к окну. То, что он увидел, заставило его сердце остановиться.

На востоке, там, где обычно вставало солнце, поднималась стена золотого света. Она росла прямо на глазах, поднимаясь всё выше и выше, пока не достигла зенита. А потом начала изгибаться дугой, накрывая горизонт гигантским куполом.

– Господи, – прошептал Николай Иванович. – Что же это?

Он обернулся на камень. Тот пульсировал в такт с золотой стеной, и пульсация становилась всё быстрее, всё ярче. А потом камень вспыхнул так, что все зажмурились, и свет погас.

Наступила тишина. Только слышно было, как где-то вдалеке кричат люди и воют сирены.

Николай Иванович стоял у окна и смотрел на золотой купол, который теперь закрывал полнеба. Он понял, что мир изменился навсегда. И что этот светящийся камень, который он держал в руках всего несколько минут назад, был предвестником чего-то страшного.

– Паша, – сказал он тихо. – Иди, собери всех в подвал. Скажи, чтобы не паниковали. Я сейчас приду.

Паша кивнул и выбежал. А Николай Иванович ещё долго стоял у окна, глядя на золотое зарево, и думал о том, что сорок лет работы с янтарём не подготовили его к такому. Что всё, что он знал, оказалось лишь верхушкой айсберга. И что настоящие тайны этого камня ещё только предстоит раскрыть.

– Вера, – прошептал он, обращаясь к фотографии жены. – Что же нам теперь делать?

Но фотография молчала. Только золотой свет за окном пульсировал в такт его сердцу.

Глава 3. Общага

Общежитие медицинского колледжа стояло на тихой улице за парком, вдалеке от шумных проспектов и трамвайных линий. Пятиэтажное здание из серого кирпича, построенное

ещё в семидесятых, давно уже потеряло всякий намёк на архитектурную привлекательность – облупившаяся штукатурка, ржавые водосточные трубы, разбитые ступеньки на крыльце. Но внутри здесь кипела жизнь, как в любом студенческом общежитии: шум, гам, вечные споры, запах борща из столовой и сигаретный дым из курилки на лестнице.

Третье утро мая выдалось тёплым и солнечным. Лучи пробивались сквозь пыльные окна, рисовали на полу золотые прямоугольники и будили тех, кто ещё не научился вставать по будильнику. Алиса проснулась оттого, что солнце упёрлось ей прямо в глаз – наглый луч нашёл щель между занавесками и бил точно в цель, не давая спать дальше.

Она зажмурилась, перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку, надеясь, что это поможет. Но сон уже ушёл, растворился в утреннем свете, и тело напомнило о себе привычной ломотой после вчерашней практики. Ноги гудели, спина ныла, пальцы рук всё ещё помнили, как она сжимала хирургические инструменты, помогая медсёстрам в процедурном кабинете.

Рядом зашевелилась Катя, соседка по комнате. Высокая русоволосая девушка с веснушками на носу и вечно взлохмаченными волосами, Катя была полной противоположностью Алисе – шумная, энергичная, всегда готовая к приключениям. Она училась на том же курсе, но на другом отделении – сестринское дело, как и у Алисы, только Катя мечтала работать в реанимации, а Алиса тяготела к педиатрии.

– Алис, вставай, – пробормотала Катя спросонья, не открывая глаз. – На пары опоздаешь. Анатомия, первая пара, Марья Ивановна – она же злая, если опаздывать.

– Угу, – промычала Алиса в подушку.

Она знала, что надо вставать. Анатомия – самый важный предмет на первом курсе. Марья Ивановна, пожилая преподавательница с железным характером и острым языком, не прощала опозданий. Если она поставит «неуд» – потом не отмоешься. А Алиса не могла позволить себе плохие оценки – стипендия была единственным источником дохода, кроме той небольшой помощи, что иногда присылал Зорин.

– Алис! – Катя уже не спала и теперь нависала над ней с мокрым полотенцем – любимый метод пробуждения, который она применяла безжалостно. – Я считаю до трёх. Раз...

– Встаю! – Алиса села на кровати, откинула одеяло и едва увернулась от мокрого полотенца. – Ты с ума сошла? Холодное же!

– Зато эффективное. – Катя засмеялась и плюхнулась на свою кровать. – Давай, давай, поднимайся. Я уже чайник поставила.

В комнате было прохладно – батареи грели плохо, как всегда в мае, пока не отключили отопление. Но за окном уже припекало солнце, и воздух постепенно прогревался. Алиса накинула халат поверх пижамы и подошла к окну, чтобы раздвинуть занавески.

За окном открывался вид на внутренний двор общежития – небольшая площадка с парой скамеек, чахлые кусты сирени, которая как раз начала цвести, и вечно сломанная сушилка для белья. Во дворе уже кто-то курил, прячась за углом – наверное, старшекурсники, которым не спится. Где-то вдалеке слышался шум трамваев и редкие гудки машин. Город просыпался, и этот привычный шум успокаивал.

На стене, прямо над кроватью, висела фотография отца – в военной форме, с автоматом, молодой и красивый. Снимок был сделан за полгода до гибели, во время краткосрочного отпуска. Он тогда приехал домой на две недели, и они с Алисой ходили в парк, ели мороженое, фотографировались. Отец смеялся, говорил, что всё будет хорошо, что война скоро кончится. Не кончилась. Сержант, позывной «Байкал», погиб под Артемовском в две тысячи двадцать третьем. Алисе тогда только исполнилось шестнадцать.

Она смотрела на фото каждое утро. Иногда разговаривала с ним. Глупо, конечно, но легче. Рассказывала о своих делах, об учёбе, о Зорине. Спрашивала совета, хотя знала, что

ответа не будет. Просто привычка, оставшаяся с детства, когда отец был рядом и всегда готов был выслушать.

– Пап, – шепнула она сегодня, – мне сегодня Зорин обещал зайти. Тот самый, помнишь? Твой друг. Он вчера звонил, сказал, что приедет проведать. У него спина болит после ранения. Надо бы ему помочь, я ж учусь. Может, массаж сделать или просто поговорить. Он одинокий, пап. Как и мы с тобой были одинокие, пока ты не вернулся. А теперь он вместо тебя.

Катя, уже натягивающая джинсы и футболку, услышала шёпот и обернулась:

– Ты с кем там шепчешься?

– С папой, – не оборачиваясь, ответила Алиса.

Катя вздохнула и подошла, обняла её сзади. Она знала эту историю, знала, как тяжело Алисе до сих пор, и никогда не осуждала за эти разговоры.

– Ну ты чего, дурочка? – мягко сказала Катя. – Он там, на небе, слышит тебя. А ты тут живая. Давай, собирайся, я тебе чай сделаю. И между прочим, сегодня на завтрак обещали сырники. Я вчера в столовой видела объявление.

– Сырники? – Алиса улыбнулась сквозь грусть. – Это хорошо.

Она оторвалась от фотографии, быстро умылась в маленькой раковине, которая была прямо в комнате – удобство, доставшееся им благодаря тому, что комната когда-то предназначалась для семейных студентов. Водопровод работал с перебоями, но утром вода была – холодная, но чистая. Алиса плеснула в лицо, почувствовала, как сон окончательно уходит, и наскоро причесалась перед маленьким зеркальцем над раковиной.

– Я в кухню, – крикнула Катя и выскочила в коридор.

Маленькая кухня на этаже представляла собой помещение квадратов десять, с двумя электроплитами, раковиной, парой столов и вечно сломанным холодильником. Здесь всегда было тесно – особенно утром, когда все хотели есть одновременно. Сейчас там уже кипела жизнь: кто-то жарил яичницу, кто-то просто пил растворимый кофе, сидя на подоконнике, а двое парней громко спорили о политике.

– У них там учения, да, – говорил один, высокий худой парень в очках, с аккуратным пробором в волосах. Говорил он с лёгким литовским акцентом – это был Йонас, студент-историк, который подрабатывал в общежитии комендантом. – Но это просто политика. Моя бабушка в Литве говорит, что они каждый год пугают, а ничего не происходит. Она помнит ещё советские времена, когда тут военные базы были – и ничего, жили же.

– Твоя бабушка не знает, что у нас тут «Искандеры» стоят, – возражал второй, коренастый парень с густыми бровями и характерным кавказским акцентом. Это был Армен, с четвёртого курса, будущий хирург. – Если что, мы им покажем. У нас ракеты такие, что до Берлина долетят за пять минут.

– Покажешь ты, – усмехнулся долговязый Денис, который стоял у плиты и помешивал яичницу. Денис недавно вернулся из армии, служил в ВДВ, и теперь учился на фельдшера. – У тебя автомата нет. А у них – НАТО. Если начнётся, мы первые и получим.

– Зато у меня есть кулаки, – набычился Армен. – И характер.

– Характером танки не останавливают, – философски заметил Йонас. – Нужен мир. Всегда нужен мир.

– Мир, мир, – передразнил кто-то из угла. – А нас кто спросил? Нас никогда не спрашивают.

Катя подошла к плите, поставила чайник на конфорку и включила газ. Газ пока был – это радовало. Электричество тоже работало, хотя в последние дни были перебои, но пока держалось.

– Мальчики, не ссорьтесь, – вмешалась она. – Рано утром только политики не хватало. Давайте лучше о девушках поговорим.

– О девушках? – Денис ухмыльнулся. – А что о них говорить? Они все спят ещё. Кроме вас двоих.

В этот момент в кухню вошла Алиса. Она была в простых джинсах и свитере, волосы собраны в небрежный хвост, но даже в таком виде она выглядела свежей и привлекательной.

– О, а вот и вторая, – обрадовался Денис. – Алиса, иди сюда, я тебе яичницы положу. У меня тут с колбасой.

– Спасибо, Денис, – улыбнулась Алиса. – Только мне чаю сначала.

Она налила себе кипятку, заварила пакетик дешёвого чая – другого не было – и села на подоконник рядом с Йонасом.

– О чём спорите? – спросила она.

– Да всё о том же, – вздохнул Йонас. – Об учениях НАТО. Моя бабушка звонила вчера, говорит, в Литве паника. Все ждут, что Россия нападёт. А у нас тут думают, что НАТО нападёт. Станный мир.

– Бабушка права, – вмешался Армен. – НАТО – это агрессор. Они Югославию бомбили, Ирак, Сирию. И нас хотят.

– А мы Крым взяли, – парировал Йонас. – Тоже не миротворцы.

– Крым – наш! – Армен повысил голос.

– Тише, тише, – остановила их Алиса. – Йонас, а ты сам как думаешь? Ты же тут живёшь, учишься. Ты за кого?

Йонас задумался. Он был литовцем, но вырос в Калининграде – мать вышла замуж за русского, когда ему было пятнадцать, и они переехали. Он уже почти забыл литовский, хотя с бабушкой говорил. И чувствовал себя здесь своим.

– Я за мир, – сказал он наконец. – Я за то, чтобы люди не убивали друг друга. А политики пусть сами разбираются.

– Наивный, – усмехнулся Денис. – Политики никогда не разбираются. Они воюют до последнего солдата. До последнего нашего солдата.

Стало тихо. Каждый думал о своём. Алиса смотрела в окно на город, который просыпался за стеклом. Солнце уже поднялось выше, и его лучи заливали крыши домов, делая их золотистыми. Красиво было. И страшно оттого, что в этой красоте может таиться угроза.

– Ладно, – сказала она, допивая чай. – Пойдём, Катя. А то опоздаем на самом деле.

Они вернулись в комнату, собрали рюкзаки с учебниками и тетрадями. Алиса на секунду задержалась у фотографии отца, погладила пальцем стекло.

– Я пошла, пап, – сказала тихо. – Вечером расскажу, как прошёл день.

– Идёшь? – крикнула из коридора Катя.

– Иду.

Они вышли из комнаты, заперли дверь. Ключ был старый, с трудом поворачивался в замке – вечная проблема. В коридоре пахло борщом из столовой на первом этаже и чуть-чуть сыростью от старых труб, которые вечно текли. Где-то играла музыка – кто-то слушал радио на телефоне.

На лестнице Катя понизила голос:

– Слышала, у Боровского опять какие-то мутные дела. Его люди по городу ездят на дорогих машинах, а сам он в ресторане своём обедает с иностранцами. Говорят, он с литовцами дружит.

– Ну и пусть дружит, – пожала плечами Алиса. – Мне-то что?

– А то, что он в прошлом уголовник. – Катя понизила голос до шёпота. – Мне бабушка рассказывала, он в девяностых людей убивал. Банда у него была. Потом отсидел, вышел, разбогател. И теперь вон – уважаемый человек.

– Бабушке твоей везде убийцы мерещатся, – усмехнулась Алиса. – Сколько можно?

– А вот увидишь. Такие люди просто так не богатеют.

Они вышли на улицу. Солнце уже пригревало, обещая тёплый день. Воздух был свежий, с примесью выхлопных газов и цветущих деревьев. У остановки уже толпился народ – студенты, рабочие, старушки с сумками. Троллейбус подкатил, закрипев тормозами, и они втиснулись внутрь, заняв места у окна.

Алиса смотрела на проплывающий город и думала о том, что жизнь, в общем-то, налаживается. Учёба идёт хорошо, с Катей они дружат, Зорин обещал зайти. Есть планы на лето – может, удастся подработать в больнице санитаркой, накопить денег. Папа был бы доволен.

Она не знала, что до того момента, как мир перевернётся, оставалось меньше двух часов.

Троллейбус медленно полз по проспекту, останавливаясь на каждой остановке. На одной из них вошла пожилая женщина с тяжёлой сумкой, и Алиса уступила ей место. Женщина поблагодарила, села и начала разговаривать с соседкой о ценах на рынке.

– Картошка подорожала, – жаловалась она. – Вчера сто рублей кило, сегодня – сто двадцать. И это только начало, говорят.

– А что будет? – вздыхала соседка. – Пенсии не индексируют, цены растут. Хоть помирай.

– Не помрёшь, – утешала первая. – Как-нибудь проживём. Всегда как-то жили.

Алиса слушала этот разговор и думала, что взрослые всегда жалуются на цены, на жизнь, на правительство. А молодёжь живёт своим умом, не особо вникая в политику. Ей было всё равно, кто там что говорит про НАТО или Россию. Главное, чтобы был мир, чтобы можно было учиться, работать, жить.

Троллейбус свернул на Ленинский проспект. За окном замелькали витрины магазинов, вывески кафе, рекламные щиты. Жизнь кипела – люди спешили по делам, машины сигналили, где-то играла музыка из открытого окна. Обычное утро обычного города.

– Смотри, – толкнула её Катя, показывая в окно. – Вон Боровский в своём ресторане. Видишь, машина его стоит?

Алиса посмотрела. У входа в дорогой ресторан «Борн» стоял чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами. Рядом с машиной курил охранник в чёрном костюме.

– И что? – спросила Алиса.

– А то, что он там с литовцами встречается. Вон они выходят.

Действительно, из ресторана вышли двое мужчин в дорогих костюмах, сели в другую машину и уехали. Алиса пожала плечами:

– Ну и пусть. Это же бизнес.

– Бизнес, – фыркнула Катя. – Знаем мы этот бизнес.

Троллейбус поехал дальше. Алиса откинулась на сиденье и закрыла глаза. Мысли текли медленно, как мёд. Она думала о Зорине, о том, как он сейчас в Балтийске, наверное, уже идёт на физиотерапию. Бедный, спина болит, а он всё равно собирается ехать через полгорода, чтобы её провести. Хороший он, дядя Гриша. Папа был бы рад, что они дружат.

– Алис, – вдруг сказала Катя. – А ты веришь, что всё будет хорошо?

Алиса открыла глаза:

– Верю. А что?

– Не знаю. Просто иногда кажется, что вот-вот что-то случится. Такое чувство, как перед грозой. Воздух тяжёлый.

Алиса прислушалась к себе. Действительно, воздух был какой-то необычный – спёртый, что ли? Или это из-за того, что окна в троллейбусе закрыты?

– Да нормально всё, – сказала она. – Просто день солнечный, душно.

Но где-то в глубине души шевельнулось тревожное предчувствие. Алиса отогнала его – не хватало ещё паниковать на пустом месте.

Троллейбус остановился у медицинского колледжа. Они вышли и направились к главному входу. Здание колледжа было старым, но ухоженным – недавно сделали ремонт, покрасили фасад, заменили окна. Студенты толпились у входа, кто-то курил, кто-то просто болтал.

В вестибюле было шумно. Алиса и Катя прошли в гардероб, сдали куртки и поднялись на второй этаж, где находилась аудитория анатомии. Там уже сидели сокурсники, листая конспекты и перешёптываясь.

– Слышали? – зашептала им Лена, отличница с первого ряда. – Марья Ивановна сегодня не в духе. Говорят, у неё внук заболел, она всю ночь в больнице просидела. Будет гонять по полной.

– Отлично, – вздохнула Катя. – Значит, опять двойки ставить будет.

– Не двойки, а справедливые оценки, – поправила Лена. – Вы бы учили лучше.

Алиса села за парту, разложила тетради. На доске было написано: «Тема: Анатомия сердечно-сосудистой системы». Она открыла конспект и принялась повторять – сердце, его камеры, клапаны, сосуды. Скучно, но надо.

В аудиторию вошла Марья Ивановна – невысокая сухонькая женщина с острым взглядом и вечно поджатыми губами. Она оглядела аудиторию, и все сразу притихли.

– Здравствуйте, – сказала она резко. – Начинаем. Кто пойдёт к доске?

Все опустили глаза. Марья Ивановна обвела взглядом ряды и остановилась на Алисе:

– Соболева, иди. Расскажи нам о строении сердца.

Алиса вздохнула, встала и вышла к доске. Она взяла мел, нарисовала схему и начала рассказывать. Сначала робко, потом увереннее. Марья Ивановна слушала, не перебивая, только изредка кивая.

– Хорошо, – сказала она, когда Алиса закончила. – Пять. Садись.

Алиса облегчённо выдохнула и вернулась на место. Катя показала ей большой палец. Лена завидовала – она всегда учила лучше всех, но Марья Ивановна редко ставила пятёрки.

Лекция продолжилась. Марья Ивановна рассказывала о кровообращении, о малом и большом кругах, о патологиях. Алиса старательно записывала, хотя мысли то и дело улетали куда-то в сторону. Она думала о Зорине, о том, когда же он приедет, о том, что надо будет купить продукты, потому что в холодильнике пусто.

Вдруг она заметила, что в аудитории стало как-то светло. Очень светло. Словно кто-то включил дополнительные лампы. Она подняла глаза и увидела, что за окном разгорается золотой свет. Яркий, нестерпимо яркий, как будто там, на востоке, взошло второе солнце.

– Что это? – спросил кто-то.

Все повернулись к окнам. Марья Ивановна замолчала на полуслове и тоже посмотрела.

А потом свет погас. Но вместе с ним погас и электричество в аудитории. Лампы под потолком мигнули и погасли, компьютеры выключились, даже телефон у кого-то перестал играть музыку.

Наступила тишина. Только слышно было, как где-то вдалеке закричали люди.

– Спокойно, – сказала Марья Ивановна, но голос её дрогнул. – Сидите на местах. Сейчас всё выясним.

Но никто не сидел. Все повскакивали, бросились к окнам. Алиса тоже подбежала и увидела то, что запомнила на всю жизнь: на востоке, там, где обычно было небо, поднималась стена золотого света. Она росла прямо на глазах, заслоняя горизонт, поднимаясь всё выше и выше, пока не накрыла полнеба гигантским куполом.

– Господи, – прошептала Катя рядом. – Что это?

Алиса не знала. Но сердце её колотилось где-то в горле, и мысли были только об одном: Зорин, дядя Гриша, где он сейчас? Жив ли? И что теперь с ними всеми будет?

Золотой свет пульсировал за окном, и в этой пульсации чувствовался какой-то страшный, нечеловеческий ритм. Ритм конца света.

Алиса схватила руку Кати и прошептала:

– Мы должны бежать. Надо в общежитие. Там наши вещи, документы. Надо бежать.

Они выбежали в коридор, где уже царил паника. Студенты метались, кто-то плакал, кто-то пытался звонить по мобильным, но телефоны не работали. Алиса пробивалась сквозь толпу к выходу, таща за собой Катю. Надо было выбраться на улицу, понять, что происходит, и бежать, бежать, бежать.

Она не знала, что этот бег будет длиться годы. Что она потеряет многих, что увидит такое, от чего волосы встанут дыбом. Но сейчас она просто бежала, потому что другого выхода не было.

Потому что мир рухнул.

Глава 4. Бизнес-ланч

Ресторан «Борн» располагался в самом центре Калининграда, на пересечении Ленинского проспекта и улицы Черняховского, в здании бывшей гостиницы, построенной ещё в начале двадцатого века. Фасад с лепниной, высокие окна, массивные дубовые двери – всё здесь дышало солидностью и достатком. Внутри было ещё роскошнее: мраморные полы, хрустальные люстры, стены, обитые тёмным деревом, мягкие кожаные диваны вдоль стен. Ресторан считался одним из лучших в городе, и попасть сюда могли далеко не все – цены были запредельными даже по московским меркам, а фейс-контроль на входе отсеивал случайных посетителей.

Виталий Боровский сидел за отдельным столиком у окна, откуда открывался великолепный вид на проспект. Он любил это место – здесь чувствовал себя хозяином жизни. Перед ним стояла тарелка с телятиной под трюфельным соусом, бокал французского бордо урожая две тысячи пятого года и небольшой блюдецко с сырами, которые специально привозили из Италии. Напротив расположились двое – литовские бизнесмены, братья Паулаускасы, с которыми Боровский вёл дела уже лет пять.

Йонас Паулаускас, старший, был толстым и лысеющим, с хитрыми глазами и вечной улыбкой на лице. Он владел сетью автозаправок в Литве и активно расширял бизнес на Калининградскую область. Римантас, младший, – худой, нервный, с тонкими пальцами, постоянно крутившими золотую зажигалку. Он занимался логистикой и таможней, и без его связей в Вильнюсе было не обойтись.

Завтрак начался ровно в десять – Боровский ценил пунктуальность. Метрдотель, вышколенный итальянец в смокинге, лично подал закуски и разлил вино. Боровский сделал глоток, прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом, и только потом заговорил:

– За что пьём? Хотя утро, рановато для тостов. Просто выпьем за встречу. Рад вас видеть, господа.

– Взаимно, Виталий, – улыбнулся Йонас, поднимая бокал. – За встречу.

Римантас кивнул, но его взгляд скользил по сторонам – он всегда был настороже, привык к конспирации.

– Как добрались? – спросил Боровский, отрезая кусочек телятины. – Граница нормально?

– Да, всё отлично, – ответил Йонас. – Очередей нет, наши пропускают быстро. У вас тут спокойно.

– Спокойно, – усмехнулся Боровский. – У нас всегда спокойно, пока власти не начнут свои игры. А начнут – и всё, пиши пропало.

Он говорил с лёгким пренебрежением, которое всегда появлялось у него, когда речь заходила о российском правительстве. Боровский не любил власть – любую, кроме своей собственной. Он вырос в девяностые, когда закон был понятием относительным, и привык полагаться только на себя и на тех, кого можно контролировать.

– Ну, вы далеко не бедствуете, – заметил Римантас, оглядывая интерьер ресторана. – У вас тут лучше, чем в Вильнюсе.

– Это да, – согласился Боровский. – Я вложил в этот ресторан кучу денег. Но знаете, что меня бесит? Что я не могу развиваться так, как хочу. Каждый шаг надо согласовывать,

каждую копейку отчитывать. А если хочешь по-настоящему развернуться – сразу вопросы: откуда деньги?

– А откуда? – с невинным видом спросил Йонас.

Боровский усмехнулся:

– Знаете, откуда. Но это не для протокола.

Они понимающе переглянулись. Литовцы знали, с кем имеют дело. Боровский начинал в девяностых с рэкета, отсидел пять лет за вымогательство, потом вышел, «отмылся», занялся бизнесом. Теперь у него были автосалон, сеть ресторанов, несколько строительных компаний. И связи – очень хорошие связи, в том числе и в Литве, и в Польше.

– Как там наши дела? – спросил Боровский, переходя к делу. – Контракт на поставку топлива подписали?

– Почти, – ответил Йонас. – Остались формальности. Наши хотят гарантий, что вы сможете обеспечить объёмы.

– Обеспечу. У меня договорённости с «Лукойлом», они дадут столько, сколько надо. Главное, чтобы ваши таможенники не чинили препятствий.

– С таможей мы решим, – вмешался Римантас. – Но есть нюанс. В Европе сейчас обсуждают новый пакет санкций. Если его примут, поставки топлива из России могут ограничить.

Боровский поморщился:

– Опять эти санкции. Сколько можно? Вы же понимаете, что это всё политика. А политика – это игры для дураков. Умные люди всегда найдут способ.

– Вы оптимист, – улыбнулся Йонас.

– Я реалист. – Боровский отпил вина. – Посмотрите, что происходит в мире. Россия и Запад грызутся, а страдают простые люди. Я не хочу быть простым человеком. Я хочу быть тем, кто управляет.

– Управлять? – переспросил Римантас. – Вы метите в губернаторы?

– Зачем? – рассмеялся Боровский. – Губернатор – это клетка. Тебя контролируют, проверяют, каждый шаг под лупой. Нет, я хочу быть тем, кто за сценой. Кто даёт деньги, кто решает вопросы. А официальная власть пусть занимается своим делом – подписывает бумажки.

Литовцы переглянулись. Они знали, что Боровский амбициозен, но таких откровений не ожидали.

– А если всё изменится? – спросил Римантас. – Если Россия... ну, вы понимаете.

– Если Россия рухнет? – Боровский прищурился. – Я думаю об этом. И готовлюсь. У меня счета в европейских банках, недвижимость в Литве, польский вид на жительство. Если здесь станет совсем плохо, я уйду. Но лучше, чтобы здесь стало хорошо. По-настоящему хорошо. По-европейски.

– Вы верите, что Калининград может стать частью Европы? – осторожно спросил Йонас.

– А почему нет? – Боровский оживился. – Посмотрите на карту. Мы – кусок России, отрезанный от основной территории. Мы ближе к Берлину, чем к Москве. У нас общая история с Пруссией, с Литвой, с Польшей. Мы всегда были европейским городом. А нас пытаются сделать провинцией.

Он говорил горячо, с убеждением. В его словах была доля правды – Калининград действительно находился в уникальном географическом положении. Но за этой риторикой стояло другое – желание власти, денег, свободы от московского контроля.

– Но Россия не отдаст Калининград, – заметил Римантас.

– Не отдаст, – согласился Боровский. – Но может случиться так, что ей будет не до нас. Кризис, война, распад – вариантов много. И тогда мы должны быть готовы взять судьбу в свои руки.

Он говорил это спокойно, будто обсуждал погоду. Литовцы слушали с напряжённым вниманием – такие разговоры были опасны, но и интересны.

– А люди? – спросил Йонас. – Вы думаете, народ поддержит?

– Народ, – усмехнулся Боровский. – Народ всегда поддержит того, кто даст хлеба и зрелищ. Если мы сможем обеспечить порядок и достаток, народ пойдёт за нами. А те, кто не пойдёт... ну, с ними разберёмся.

Он сделал жест, который мог означать что угодно, но литовцы поняли – насилие было частью его натуры, несмотря на дорогой костюм и холеные руки.

– Ладно, – Боровский вдруг сменил тон. – Хватит о политике. Давайте о деле. Контракт подпишем на следующей неделе. Я приеду в Вильнюс сам. Устройте встречу с вашими партнёрами из Вильнюсского банка. Мне нужно обсудить кредитную линию.

– Организуем, – кивнул Йонас.

Они ещё немного поговорили о ценах на топливо, о логистике, о новых возможностях для бизнеса. Боровский был в ударе – сыпал цифрами, называл имена, строил планы. Он явно наслаждался ролью крупного игрока, который ворочает миллионами.

Когда завтрак подходил к концу, Боровский откинулся на спинку кресла и закурил сигару – «Кубинская», настоящая, не подделка. Литовцы смотрели на него с уважением и опаской.

– Знаете, господа, – сказал он, выпуская клуб дыма. – Я вот смотрю на этот город и думаю: сколько здесь потенциала. Море, порт, янтарь, люди. А что мы имеем? Серость, бедность, пьянство. Власти только и делают, что воруют и отчитываются. А могли бы создать курорт мирового уровня.

– Так создавайте, – пожал плечами Римантас.

– Создам. – Боровский посмотрел ему в глаза. – Когда придёт время. Всему своё время.

Официант принёс счёт. Боровский даже не взглянул на него – кивнул, и тот ушёл. Здесь он был король, и деньги для него ничего не значили.

– Ну что, поехали? – сказал он, поднимаясь. – Я покажу вам новый автосалон. Только открыли, «Мерседес» привезли последние модели.

Они вышли из ресторана. На улице сияло солнце, прохожие спешили по делам. У входа стоял чёрный «Мерседес» Боровского с тонированными стёклами, рядом курил охранник – здоровенный детина по кличке Шкаф, который работал с Боровским ещё с девяностых.

– Садитесь, – пригласил Боровский, открывая дверь. – Прокатимся с ветерком.

Машина плавно тронулась с места и влилась в поток. За окном мелькали дома, витрины, люди. Боровский смотрел на них с высоты своего положения и чувствовал привычное удовлетворение. Он добился всего сам – из грязи в князи. И не собирался останавливаться.

– Красивый город, – заметил Йонас. – Я люблю Калининград. У вас тут особая атмосфера.

– Да, – согласился Боровский. – Атмосфера есть. Жаль, что не наша.

– В смысле?

– В смысле, русская. – Он поморщился. – Всё это – раздолбайство, безответственность, лень. Европейского порядка нет. Европейской дисциплины. Вот что мне нужно.

– Так переезжайте в Европу, – предложил Римантас.

– Перееду, – кивнул Боровский. – Когда-нибудь. Но сначала я хочу, чтобы Европа пришла сюда.

Машина подъехала к автосалону – огромному стеклянному зданию на окраине города, где сверкали новенькие иномарки. Боровский вышел, поправил пиджак и жестом пригласил гостей внутрь.

– Прошу. Здесь всё, как в лучших домах.

В салоне было прохладно и стерильно чисто. Продавцы в униформе почтительно кланялись. На подиумах стояли автомобили – «Мерседесы», «БМВ», «Ауди». Боровский подвёл гостей к последней модели «Мерседеса» S-класса – чёрному, как его душа.

– Вот это зверь, – сказал он, поглаживая капот. – Пятьсот лошадей, кожа, дерево, все опции. Мечта.

– Сколько стоит? – спросил Йонас.

– Для вас – двести пятьдесят тысяч евро. С доставкой в Литву.

– Дороговато.

– Зато качество. – Боровский улыбнулся. – Я, кстати, такой же себе взял. Люблю себя баловать.

Они прошли в переговорную, где уже был накрыт стол с напитками и закусками. Боровский продолжал разговор – теперь о бизнесе, о поставках, о новых рынках. Литовцы слушали и записывали. Время шло незаметно.

Ближе к двум часам они попрощались. Боровский проводил их до машины, пожал руки и пообещал скоро приехать в Вильнюс.

– Удачи, Виталий, – сказал Йонас. – Держите с нами связь.

– Обязательно.

Машина литовцев уехала. Боровский стоял на парковке, щурясь на солнце, и думал о своём. Рядом стоял Шкаф, молчаливый и надёжный.

– Шеф, – сказал он тихо. – Тут наши люди сообщили, что на комбинате что-то странное происходит. Янтарь вроде светится.

– Что? – Боровский обернулся. – Какой янтарь?

– На комбинате. Рабочие говорят, крупный кусок нашли, который изнутри светится. И на горизонте тоже какое-то зарево.

Боровский посмотрел на восток. Там, над морем, действительно висела лёгкая золотистая дымка – необычная, но пока не пугающая.

– Ерунда, – сказал он. – Мало ли что мерещится рабочим. У них зарплата маленькая, вот и галлюцинации.

– Может, проверить?

– Проверь, – согласился Боровский. – Но не сейчас. Сейчас у меня встреча с мэром. Вечером съезди, узнай, что там.

Шкаф кивнул. Боровский сел в машину и уехал – у него был плотный график.

Он не знал, что через несколько часов этот светящийся янтарь станет причиной катастрофы, которая перечеркнёт все его планы. Но даже если бы знал, вряд ли бы поверил. Он привык контролировать всё. А то, что нельзя контролировать, он предпочитал не замечать.

День катился к вечеру. Боровский успел встретиться с мэром, обсудить вопросы землеотвода под новый торговый центр, поужинать в ресторане с местными чиновниками и теперь сидел в своём кабинете, просматривая документы. Кабинет находился на втором этаже ресторана, был обставлен с претензией на старину – дубовая мебель, картины с морскими пейзажами, книжный шкаф с кожаными переплётами. На стене висело охотничье ружьё – антиквариат, но Боровский умел с ним обращаться.

В дверь постучали. Вошёл Шкаф.

– Шеф, я съездил на комбинат. Там действительно что-то странное. Янтарь светится – не только тот кусок, но и другие. Люди паникуют.

Боровский отложил документы:

– Светится? Как?

– Изнутри. Золотым таким светом. Говорят, раньше такого не было. И на горизонте – тоже. Вон, посмотрите.

Он подошёл к окну и указал на восток. Там, где небо встречалось с морем, разгоралось золотое зарево. Оно пульсировало, и с каждой пульсацией становилось ярче.

Боровский нахмурился. Он не любил необъяснимых явлений. В его мире всё должно было иметь причину и следствие.

– Может, военные что-то испытывают? – предположил он. – У них там полигон под Балтийском.

– Не знаю, шеф. Но люди боятся. Говорят, конец света.

– Конец света, – усмехнулся Боровский. – Каждые десять лет кто-то предсказывает конец света. И ничего.

Он подошёл к бару, налил себе виски. Руки слегка дрожали – он сам не понимал отчего. То ли от усталости, то ли от этого странного света.

– Ладно, – сказал он. – Если что, у нас есть запасы. Продукты, вода, оружие. Мы не пропадём. А эти... – он кивнул на окно, – пусть боятся. Бояться – значит, будут слушаться.

Он допил виски и посмотрел на часы. Было половина пятого вечера. До заката оставалось часа два. Боровский решил, что пора ехать домой – утром рано вставать, дел много.

Но уехать он не успел.

В 16:47 раздался гул. Сначала низкий, едва слышный, потом всё нарастающий. Стены задрожали, с потолка посыпалась штукатурка. Боровский схватился за стол, чтобы не упасть. Шкаф выругался и бросился к окну.

– Шеф! – закричал он. – Смотрите!

Боровский подбежал к окну и увидел, как на востоке поднимается стена золотого света. Она росла прямо на глазах – выше, выше, выше, пока не достигла зенита. А потом начала изгибаться дугой, накрывая небо гигантским куполом.

Свет погас. Но купол остался. Он пульсировал ровным золотым сиянием, отделяя Калининград от остального мира.

– Что это? – прошептал Боровский.

Он вдруг почувствовал себя маленьким и беспомощным, как в детстве, когда его били старшие. Это чувство было ему ненавистно. Он сжал кулаки и заставил себя успокоиться.

– Шкаф, – сказал он жёстко. – Собирай всех. Едем на склад. Надо проверить запасы. И свяжись с нашими людьми – узнай, что происходит.

– Связи нет, шеф. Телефоны не работают.

– Значит, пешком. Бегом.

Они выбежали на улицу. Город уже охватила паника – люди метались, кричали, машины сигналили. Кто-то выносил вещи из магазинов, кто-то просто сидел на тротуаре и плакал. Боровский пробивался сквозь толпу к своей машине, но та не заводилась – электроника отказала.

– Чёрт! – выругался он. – Пешком. За мной.

Они побежали к складам, расположенным в промзоне. По пути видели грабежи, драки, разбитые витрины. Город погружался в хаос.

– Шеф, – задыхаясь, спросил Шкаф. – Что это? Война?

– Не знаю, – ответил Боровский. – Но если это война, мы должны быть готовы. У нас есть оружие, есть запасы. Мы отобьёмся.

Он не знал, от кого отбиваться. Но знал одно: в хаосе побеждает тот, у кого есть сила. А сила у него была.

Они добежали до складов. Охрана была на месте, но растеряна.

– Виталий Павлович, – доложил старший. – Связи нет, электричества нет. Что делать?

– Стоять на посту, – приказал Боровский. – Никого не пускать. Я сейчас разберусь.

Он прошёл в свой кабинет на складе – небольшую комнатку с сейфом и рацией. Рация молчала. Он попробовал спутниковый телефон – тоже тишина.

– Значит, мы отрезаны, – сказал он себе. – Ладно. Будем выживать.

Он открыл сейф, достал пистолет – старый «макаров», который носил ещё в девяностых. Проверил обойму – полная. Положил в карман.

– Шеф, – заглянул Шкаф. – Там люди собираются у ворот. Просят еды.

– Гони их, – отрезал Боровский. – Скажи, что склад закрыт. Если будут ломиться – стреляй.

– А если придут с оружием?

– Значит, будем разговаривать по-другому. Но пока – гони.

Шкаф ушёл. Боровский остался один. Он смотрел на золотой купол за окном и думал о том, что жизнь сделала крутой поворот. Ещё утром он строил планы на миллионы, а теперь... теперь речь шла о выживании.

Но он не привык сдаваться. Он выжил в девяностых, выживет и сейчас.

– Посмотрим, кто кого, – сказал он куполу. – Посмотрим.

Глава 5. Военный городок

Балтийск встречал утро запахом моря и солянки. Этот запах здесь был везде – на улицах, во дворах, в квартирах, въедался в одежду и волосы. Город жил флотом, дышал флотом, существовал ради флота. Военные корабли у причалов, казармы на каждом шагу, патрули в форме, заборы с колючей проволокой – всё напоминало о том, что Балтийск не просто город, а главная база Балтийского флота, форпост России на самом западном рубеже.

Зорин сидел на скамейке у военно-морского госпиталя и смотрел на горизонт. Солнце только начинало подниматься, окрашивая море в розовато-золотистые тона. Где-то там, за полосой воды, была Польша, Литва, Европа. А здесь, на этой скамейке, сидел он – капитан спецназа, инвалид, человек без будущего.

Физиотерапия была позади. Очередная процедура, от которой спина болела ещё сильнее, чем до. Врач, молодой лейтенант медицинской службы с аккуратным пробором и очками в тонкой оправе, сказал привычное: «Григорий Тимофеевич, надо набираться терпения. Такие травмы за полгода не проходят. А у вас ещё и контузия, так что нервная система восстанавливается медленно». Зорин кивнул, хотя в душе скребли кошки. Он привык к другому ритму жизни. К прыжкам с парашютом, к марш-броскам с полной выкладкой, к рукопашным схваткам, когда адреналин зашкаливает и времени думать о боли просто нет. А тут – сиди и жди, пока срастётся, пока нервные окончания снова заработают, пока ноги начнут слушаться. И главное – неизвестно, сколько ещё ждать.

Он поднялся, опираясь на трость. Хромота была заметной, но терпимой. Главное – идти. Если остановишься, считай, проиграл. Этому его научили ещё в учебке: никогда не останавливайся, даже если ранен, даже если сил нет. Иди. Шаг за шагом. Пока не дойдёшь.

Мимо прошли двое сослуживцев в форме – лейтенант и старший прапорщик, оба из его бывшего подразделения. Увидели Зорина, отвели глаза и ускорили шаг. Он их не окликнул. Зачем? Они не знали, что говорить. Вчерашний герой, который сегодня еле ходит, – это неудобно. Это напоминание о том, что война калечит даже лучших, что завтра на их месте может оказаться любой. Легче сделать вид, что не заметил. Легче пройти мимо.

Зорин проводил их взглядом и усмехнулся. Он не обижался. Он сам когда-то так же обходил стороной раненых товарищей – не от чёрствости, а от неловкости. Не знаешь, что сказать, как поддержать, а молчать – ещё хуже. Проще пройти мимо и сделать вид, что ничего не случилось. Теперь он оказался по ту сторону этого неловкого молчания.

Он пошёл к морю. Трость ритмично постукивала по асфальту: тук-тук, тук-тук. Балтийск просыпался медленно – военные уже на ногах, а гражданские ещё досматривали сны. У причалов стояли корабли – серые, грозные, с пушками и ракетными установками. Эсминцы, корветы, подводные лодки. Когда-то Зорин ходил на таких в походы, охранял, сопровождал, участвовал в учениях. Теперь он мог только смотреть на них со стороны.

Набережная была пустынна. Волны лениво накатывали на песок, оставляя полосы пены. Вдалеке виднелся маяк – старый, ещё немецкой постройки, который пережил войну и продолжал работать. Зорин сел на парапет, положил трость рядом. Спина ныла, но терпимо. Главное – сидеть ровно и не делать резких движений.

Мысли вернулись к прошлому. Артёмовск, две тысячи двадцать третий. Они зашли в посёлок с юга, думали, что там пусто. Разведка доложила: противник отошёл, можно занимать позиции без боя. Но разведка ошиблась. Или её кто-то подставил. Зорин до сих пор не знал, что там случилось на самом деле.

Они шли цепочкой вдоль разбитой улицы. Впереди – сержант с позывным «Байкал», его друг, с которым они вместе начинали ещё в учебке. За ним – Зорин, потом ещё четверо. Дома стояли мёртвые, с выбитыми окнами, почерневшие от пожаров. Тишина была такой плотной, что звенело в ушах.

А потом началось.

Снайпер работал откуда-то с чердака. Первая пуля попала в «Байкала» – он упал как подкошенный, даже не вскрикнув. Вторая – в пулемётчика, который шёл следом. Зорин рванул вперёд, к «Байкалу», но снайпер продолжал стрелять. Пули взбивали пыль вокруг, выбивали крошки из стен. Зорин упал, пополз по-пластунски, чувствуя, как что-то жжёт в спине. Потом был взрыв – граната или мина, он так и не понял. Его отбросило, ударило о стену, и свет погас.

Очнулся он в госпитале, через три дня. Первый вопрос был: «Байкал?» Медсестра отвела глаза. И всё понял.

Потом была долгая реабилитация, операции, попытки восстановиться. Спина срослась, но не до конца. Контузия давала о себе знать головными болями и провалами в памяти. Врачи сказали: «Капитан, вы легко отделались. Могли вообще не встать». Он кивнул, но лёгкости не чувствовал. Потому что «Байкал» не встал.

Сержант, позывной «Байкал», был из Калининграда. Как и Зорин. Они вместе призывались, вместе попали в спецназ, вместе воевали. У «Байкала» была дочь – Алиса. Он часто показывал её фото, рассказывал, как она учится, как растёт. Жены у него не было – развёлся ещё до войны. Только дочь. И Зорин обещал тогда, ещё под Артёмовском, что если с ним что случится, присмотрит за девочкой. Обещал – и держал слово.

Теперь Алиса была единственным человеком, ради которого он жил. Приезжал к ней в Калининград при любой возможности, помогал деньгами, советом, просто был рядом. Она называла его «дядя Гриша» и, кажется, действительно считала родным. Для неё он был связью с отцом, живой памятью о нём. Для него – смыслом существования.

Зорин достал телефон, посмотрел на экран. Связь ловила плохо – Балтийск всегда был проблемным местом для мобильных сетей. Но сегодня повезло: значок сети горел. Он набрал номер Алисы.

Она ответила почти сразу – голос сонный, но радостный:

– Дядь Гриш? Вы как? Я вас жду сегодня.

– Скоро буду, – сказал Зорин, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Спина немного, но доберусь. Ты как там?

– Нормально. На пары иду сейчас. А вы после обеда приезжайте, я как раз освобожусь. С Катей договорились, что вместе пообедаем. Вы с нами?

– Посмотрим, – улыбнулся Зорин. – Если успею.

– Договорились. Вы только осторожнее там. Я слышала, в Балтийске погода плохая?

– Погода? – он посмотрел на чистое небо. – Солнце светит. Всё хорошо.

– Ну ладно. До вечера.

– До вечера, Алиса.

Он отключился и снова посмотрел на море. Разговор с Алисой всегда поднимал настроение, хотя после него острее чувствовалась пустота. У него не было своей семьи – ни жены, ни детей. Была только она, дочь погибшего друга. И работа, которой больше нет.

Он вспомнил, как вчера разговаривал с начальником госпиталя. Тот предлагал оформить инвалидность и спокойно уйти на пенсию. «Григорий Тимофеевич, вы своё дело сделали.

Родина благодарна. Пора подумать о себе». Зорин тогда промолчал, но про себя подумал: «А что значит – подумать о себе? Сидеть в четырёх стенах и ждать смерти? Нет уж».

Он не представлял жизни без армии. Это было не просто место работы – это была его суть. Он умел только воевать, только защищать, только рисковать. А теперь его списали, как старую, никому не нужную вещь.

Солнце поднималось всё выше. На набережную начали выходить люди – мамы с колясками, старики на лавочках, пара влюблённых, обнявшись, брели вдоль моря. Обычная жизнь текла своим чередом. И только Зорин чувствовал себя выброшенным из этого потока.

Он посмотрел на часы – половина девятого. До поезда в Калининград ещё часа четыре. Можно было посидеть здесь, подышать морем, подумать. Мысли текли медленно, как смола. О войне, о друзьях, о будущем.

Он вспомнил «Байкала» – каким тот был весёлым, энергичным, вечно придумывающим какие-то розыгрыши. Как они вместе ходили в увольнение, как пили пиво в дешёвых кафешках, как мечтали о мирной жизни. «Байкал» говорил: «Вот кончится война, куплю себе дом на море, заведу собак, буду ловить рыбу. А ты приезжай в гости, Гриша. Места много». Не успел. Не купил. Не завёл.

Зорин сжал кулаки. Ненависть к той войне, к тем, кто её начал, к тем, кто убивал его друзей, жгла изнутри. Но ненависть – плохое лекарство. Она не воскрешает мёртвых и не лечит раненых. Она только разъедает душу.

Он заставил себя успокоиться. Глубокий вдох, выдох. Ещё раз. Техника, которой учили на курсах психологической реабилитации. Помогало, но не всегда.

Рядом на скамейку присела пожилая женщина с авоськой, полной продуктов. Посмотрела на Зорина, на его форму, на трость, вздохнула:

– Сынок, ты с войны?

– Да, мать, с войны, – ответил он, неожиданно для себя.

– Тяжело?

– Тяжело.

– А ты держись. – Она похлопала его по руке. – Мой муж тоже с войны пришёл, без ноги. А ничего, жили. Ты молодой, всё наладится.

– Спасибо, – улыбнулся Зорин.

Женщина ушла, а он остался сидеть, глядя на море. Странно, но этот короткий разговор немного согрел. Обычное человеческое участие – то, чего ему так не хватало в последнее время. В госпитале к нему относились профессионально, но без души. Сослуживцы сторонились. А тут просто бабушка, которая пожалела.

Время тянулось медленно. Зорин думал о том, как изменилась его жизнь за последний год. Ещё недавно он был в строю, командовал группой, участвовал в спецоперациях. А теперь – сидит на набережной в Балтийске, смотрит на море и ждёт поезда. Как пенсионер.

Он усмехнулся своим мыслям. Нет, рано списывать себя со счетов. Он ещё пригодится. Чем-нибудь. Кому-нибудь. Хотя бы Алисе.

Вспомнил, что обещал зайти в комиссионку и посмотреть, нет ли там недорогого телефона для неё – у Алисы старый совсем разваливается. И продукты купить, у неё вечно пустой холодильник. И ещё надо было заехать в аптеку за лекарствами для себя.

Он начал мысленно составлять список дел, и это отвлекало от тяжёлых мыслей. План действий всегда помогал держаться на плаву. Когда знаешь, что делать дальше, жить легче.

Часа через два он поднялся и медленно побрёл обратно к госпиталю – забрать вещи и документы. Дорога шла вдоль причалов, где стояли корабли. На одном из них матросы драили палубу – обычная утренняя рутина. Зорин с завистью посмотрел на них. Молодые, сильные, у них всё впереди. А у него позади только война и больница.

Он зашёл в госпиталь, получил свои вещи – небольшой рюкзак с самым необходимым. Попрощался с медсёстрами, которые уже привыкли к нему и относились с симпатией. Старшая сестра, полная женщина лет пятидесяти, даже прослезилась:

– Григорий Тимофеевич, вы держитесь. Если что – приезжайте, всегда поможем.

– Спасибо, – ответил он. – Обязательно.

На вокзал он пришёл за час до поезда. Вокзал в Балтийске был маленьким, старым, с деревянными скамейками и буфетом, где продавали пирожки с ливером и растворимый кофе. Зорин взял пирожок и кофе, сел у окна и стал ждать.

Народу было немного – несколько военных, пара старушек с сумками, молодая мама с ребёнком. Ребёнок капризничал, мама укачивала его, напевая что-то тихое. Зорин смотрел на них и думал, что, наверное, никогда не будет отцом. Кому он нужен, инвалид с покалеченной спиной и вечно хмурым лицом?

Объявили посадку. Поезд был старый, дребезжащий, с обшарпанными сиденьями и запахом мазута. Зорин сел у окна, положил трость рядом. За окном поплыли окраины Балтийска – серые дома, гаражи, пустыри. Потом потянулись поля, перелески, маленькие посёлки. Обычный пейзаж Калининградской области – зелёный, ухоженный, с аккуратными домиками и коровами на лугах.

Он смотрел на это спокойствие и не мог отделаться от мысли, что оно обманчиво. Где-то там, за горизонтом, шла война. Не здесь, далеко, но её дыхание чувствовалось даже тут. В сводках новостей, в разговорах людей, в напряжении, которое висело в воздухе.

Зорин вспомнил, что вчера по госпитальному радио передавали: НАТО проводит учения в Польше, российские войска приведены в повышенную готовность. Тогда он не придавал значения – мало ли что там говорят. А теперь вдруг подумал: а что, если начнётся? Если снова война? Он не сможет воевать. Он будет сидеть в тылу и смотреть, как другие умирают. Эта мысль была невыносима.

Он отвернулся от окна и закрыл глаза. Поезд мерно постукивал на стыках, убаюкивая. Зорин задремал, и ему приснился «Байкал» – живой, весёлый, смеющийся. Они сидели где-то на природе, пили пиво, и «Байкал» говорил: «Гриша, не дрейфь, всё будет хорошо. Мы же русские, мы всё выдержим». А потом он исчез, и Зорин проснулся от резкого толчка.

Поезд остановился. За окном был Калининград – Южный вокзал, знакомый с детства. Зорин взял рюкзак, трость и вышел на платформу.

Город встретил его шумом и суетой. Люди спешили, машины сигналили, трамваи звенели. Обычная жизнь огромного города. Зорин смешался с толпой и пошёл к выходу. Надо было успеть в общежитие до вечера.

Он не знал, что этот день станет последним днём старого мира. Что через несколько часов всё, что он знал и любил, будет отрезано золотой стеной. И что Алисе понадобится его защита сильнее, чем когда-либо.

Он просто шёл по городу, опираясь на трость, и думал о том, что надо купить продукты. А золотое зарево на горизонте он заметил, но не придавал значения – мало ли, солнце играет.

Глава 6. Золотой горизонт

Реанимационное отделение Областной больницы всегда жило по своим законам. Здесь время текло иначе – не линейно, а циклично, подчиняясь ритмам сердечно-легочной реанимации, смене капельниц и показателям мониторов. Ночная смена была самым тихим временем, когда больные спали, а персонал мог перевести дух, но Вера Андреевна знала: тишина в реанимации – это всегда обманчиво. Она может взорваться в любую минуту.

В ту ночь дежурство выдалось на удивление спокойным. Парень с черепно-мозговой – его звали Максим, двадцати пяти лет, водитель-экспедитор – держался стабильно. Давление не скакало, зрачки реагировали на свет, даже температура немного упала. Вера сидела в ордина-

торской, пила уже пятый стакан чая и листала старый медицинский журнал, оставленный кем-то из интернов. За окном медленно светало, небо из чёрного становилось тёмно-синим, потом серым, и вот уже первые лучи солнца начали пробиваться сквозь пыльные стёкла.

Аудра зашла в ординаторскую без стука – она никогда не стучала, они работали вместе три года и давно перешли на «ты» вне присутствия пациентов. Медсестра выглядела уставшей – под глазами тёмные круги, волосы выбились из-под шапочки.

– Вера Андреевна, идите спать, – сказала Аудра по-литовски с мягким акцентом. – Я тут посижу. Если что – разбужу.

– Не могу, – Вера отложила журнал. – Глаза слипаются, а спать не хочется. Знаешь это состояние, когда уже переборол сон и теперь просто существуешь?

– Знаю, – Аудра села напротив, налила себе чаю. – У меня так после ночных дежурств. Потом прихожу домой, ложусь и час не могу уснуть. Мозг ещё работает. Всё прокручиваю: того ли уколола, те ли показатели записала.

– А дети? – спросила Вера, чтобы отвлечься.

– Муж с ними. Он у меня молодец, справляется. Сам завтрак готовит, в школу собирает. Я без него пропала бы.

Вера посмотрела на часы – половина пятого утра. До конца смены ещё три часа. Потом трамвай, потом дом, потом сон. Она представила свою пустую комнату в коммуналке на улице Сержанта Колоскова – узкую кровать, старый телевизор, который включала только для фона, пыльные книги на полке. Там было тихо, пусто и холодно. Здесь, в больнице, среди пищавших мониторов и стонущих пациентов, было почему-то теплее.

– Слушай, Аудра, – начала она, но не договорила.

Золотая вспышка ударила в окно так внезапно, что Вера инстинктивно зажмурилась и пригнулась, закрывая голову руками. Свет был нестерпимо ярким – ярче солнца, ярче сварки, ярче всего, что она видела в жизни. Он проникал сквозь закрытые веки, окрашивая всё в кроваво-красный цвет, прожигал до самого мозга. Казалось, сам воздух загорелся.

– Господи! – крикнула Аудра, падая со стула.

Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул. Но вместе с ним погасло и электричество. Мониторы в палатах взвизгнули и умолкли. Лампы дневного света под потолком моргнули в последний раз и погасли. Наступила полная темнота, нарушаемая только паническими криками из палат и отдалённым гулом где-то в городе.

Вера несколько секунд сидела неподвижно, пытаясь осмыслить происходящее. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Но годы работы в реанимации приучили её к одному: в критической ситуации нельзя поддаваться панике. Паника убивает быстрее любой болезни.

– Аварийное питание! – Вера вскочила первой, действуя на автомате, как учили на учениях. – Бегом к щитку! Аудра, вставай!

Аудра выскочила в коридор, шаря руками по стенам. Вера нащупала в ящике стола фонарик – старый, ещё советский, с толстыми батарейками, которые она меняла раз в полгода на всякий случай. Щелчок – и луч света выхватил из темноты перекошенное лицо Аудры, вернувшейся с пустыми руками.

– Не работает, – выдохнула медсестра. – Вообще ничего. Даже аварийка. Я все рубильники проверила – мёртво.

– Значит, отключено всё, – Вера уже шла в палату, светя фонариком под ноги. – У нас есть пятнадцать минут, пока аккумуляторы в портативных аппаратах не сядут. Надо переводить всех на ручное дыхание. Бегом!

В палате интенсивной терапии стоял ад. Четыре пациента, двое на ИВЛ, один с монитором сердечного ритма, один после операции – все в панике, хотя никто из них не мог двигаться. Мониторы молчали, лампы над кроватями погасли, только тусклый свет фонарика выхватывал испуганные лица. Воздух был спёртым, пахло лекарствами, потом и страхом.

Максим, тот самый парень с черепно-мозговой, смотрел на Веру широко открытыми глазами. Он не мог говорить – интубационная трубка торчала изо рта, но взгляд был осмысленным и полным ужаса. Парень явно понимал, что происходит что-то страшное, и от этого понимания его сердцебиение участилось, монитор, если бы он работал, запищал бы тревожно.

– Тихо, тихо, – Вера подошла к нему, положила руку на плечо. Ткань больничной рубашки была влажной от пота. – Всё под контролем. Сейчас мы вас переведем на ручное дыхание. Аудра, давай мешок Амбу! Быстро!

Аудра уже доставала из шкафа реанимационные наборы. В свете фонарика ее руки дрожали, но двигались быстро и уверенно – годы работы в реанимации приучили к стрессу. Она протянула Вере резиновый мешок с клапаном.

Вера отключила аппарат ИВЛ – тот издал последний писк и затих. Подключила к трубке ручной мешок. Теперь надо было сжимать его ритмично, двенадцать-пятнадцать раз в минуту, пока кто-то не сменит. Она сжала – воздух вошёл в лёгкие, разжала – выдох. Сжала – разжала. Ритм, заданный природой, который теперь приходилось поддерживать вручную.

– Аудра, второй пациент! И проверь, есть ли связь, может, мобильные работают.

Аудра кинулась ко второму аппарату, подключила второй мешок, потом вытащила свой телефон. Экран был черным, как уголь.

– Не работает, – крикнула она. – Вообще ничего. Мёртвый.

– Пробуй стационарный!

Аудра схватила трубку внутренней связи – тишина. Мобильный – ноль. Рация, висевшая на посту, которую использовали для вызова дежурного врача, – молчала. Ни шипения, ни шороха.

– Глухо, Вера Андреевна. Ничего не работает.

Из коридора донеслись крики и топот – персонал других отделений метался в панике. Кто-то плакал, кто-то громко молился, кто-то звал на помощь. Где-то упало что-то тяжёлое, разбилось стекло. Паника нарастала, как снежный ком.

Вера стиснула зубы и продолжала сжимать мешок. Максим смотрел на нее благодарными глазами – он чувствовал, что его не бросили. В этих глазах была такая мольба и такая надежда, что у Веры защемило сердце. Она вспомнила Пашку, своего сына, как он смотрел на неё перед смертью – так же беспомощно и доверчиво. Она не смогла спасти его. Но этих она спасёт.

– Аудра, слушай меня, – Вера говорила спокойно, хотя внутри всё дрожало и кричало. – Иди в ординаторскую, там в шкафу есть старые аккумуляторные фонари. Потом собери всех, кто есть. Надо организовать эвакуацию пациентов в подвал. Там есть запасы кислорода и генератор, если повезёт.

– А если генератор тоже не работает?

– Значит, будем дышать руками. Иди.

Аудра выбежала. Вера осталась одна в тёмной палате, ритмично сжимая мешок. Рядом тихо постанывал пожилой мужчина с перитонитом – он был в сознании и, кажется, начинал понимать, что происходит что-то страшное. Его звали Иван Петрович, он поступил два дня назад с прободной язвой, операция прошла успешно, но сейчас он был ещё слаб и беспомощен.

– Не бойтесь, – сказала Вера ему через плечо. – Мы здесь, мы никуда не денемся. Потерпите немного, сейчас всех переведем в безопасное место.

Иван Петрович что-то прохрипел в ответ – трубка мешала говорить, но Вера поняла: он благодарит.

Сжимать мешок приходилось в такт дыханию. Раз-два-три-четыре... Двенадцать вдохов в минуту. Вера считала про себя, чтобы не сбиться. Рука уже начала уставать, но она не могла остановиться. Если остановится – Максим задохнётся. Просто и необратимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.